

В Е С Ь Р О Л Л И Н С

Р Д Ж Е Й М С
Р О Л Л И Н С

К Р Е Б Е К К А
А Н Т Р Е Л Л

К р о в ь Л ю ц и ф е р а

Весь Роллинс

Джеймс Роллинс
Кровь Люцифера

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Роллинс Д.

Кровь Люцифера / Д. Роллинс — «Эксмо», 2015 — (Весь Роллинс)

ISBN 978-5-04-175684-0

Орден сангвинистов подошел к финальной части операции, направленной на спасение человечества от вечного мрака и господства темных сил. Трое Избранных – Рун Корца, Джордан Стоун и Эрин Грейнджер – узнали, где на Земле сокрыт Первый Ангел, призванный уничтожить зло. Но, чтобы добраться до этого места, им понадобится собрать сложнейшую головоломку и подобрать ключ к ангельской темнице. Да и что будет потом, хранителям Кровавого Евангелия неизвестно. Никто из них не знает, чего ожидать от пробужденного создания. Ведь это... сам Люцифер! Роман от самого продаваемого мастера приключенческих романов! Заключительная книга трилогии о Кровавом Евангелии!

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-175684-0

© Роллинс Д., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Часть I	14
Глава 1	14
Глава 2	24
Глава 3	30
Глава 4	35
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	55
Глава 8	66
Часть II	69
Глава 9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Джеймс Роллинс, Ребекка Кантрелл

Кровь Люцифера

От Джеймса:

Ребекке за то, что она вместе со мной проделала этот путь.

От Ребекки:

моему мужу и сыну.

James Rollins, Rebecca Cantrell
Blood Infernal

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2015 by James Czajkowski and Rebecca Cantrell

© Смирнова М. В., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

* * *

*Как упал ты с неба, Денница, сын зари!
разбился о землю, попиравший народы.*

Ис. 14:12

Лето 1606 года от Рождества Господня

Прага, Богемия

Наконец труды близятся к завершению... Английский алхимик, коего все знали под именем Джона Ди, стоял в своей тайной лаборатории перед огромным колоколом, выдутым из гладкого, без единого изъяна, стекла. Колокол был достаточно высок, чтобы под ним мог во весь рост стоять человек. Сей дивный образец был создан опытейшим стеклодувом на далеком острове Мурано близ Венеции. И более года понадобилось артели ремесленников, дабы путем вращения и раздувания при помощи гигантских мехов превратить колоссальный шар расплавленного стекла в это совершенное творение. А затем еще пять месяцев драгоценный колокол со всеми предосторожностями везли от места его создания далеко на холодный север, ко двору Его Величества Императора Священной Римской империи Рудольфа II. И когда колокол прибыл в Прагу, император приказал, чтобы для него была выстроена тайная алхимиче-

ская лаборатория, окруженная вспомогательными мастерскими, кои раскинулись на огромные расстояния под пражскими улицами.

Это было десять долгих лет назад...

Ныне колокол был водружен на круглую железную подставку в углу основного помещения лаборатории. Края подставки давным-давно порыжели от ржавчины. Близ нижнего края колокола была сделана круглая стеклянная же дверца в половину его высоты, запертая на прочные засовы и притертая так, что воздух извне не мог попасть в колокол, а изнутри – просочиться наружу.

Джон Ди содрогнулся, глядя на колокол. Хотя он был доволен тем, что работа его близится к завершению, это также внушало ему страх. Он уже возненавидел адское приспособление, зная, ради каких ужасных целей оно было создано. В последнее время он старался всеми силами держаться подальше от колокола. Целыми днями алхимик расхаживал по лаборатории в длинной робе, испятнанной химикалиями, заглядывал в колбы и реторты, едва не окуная в них свою седую бороду, и избегал обращать взгляд слезящихся глаз на пыльную поверхность стеклянного колокола.

Но ныне я почти исполнил порученное мне.

Отвернувшись от колокола, Ди подошел к камину и коснулся мраморной облицовки. Его скрюченные пальцы проделали ряд сложных движений – и в мраморе открылась потайная ниша. Только сам Джон и император знали о существовании этого крошечного углубления.

Когда алхимик сунул руку внутрь, позади него раздался яростный стук. Ди вновь повернулся к колоколу – к заключенной под стеклянным колпаком твари. Это существо, пойманное верными людьми императора, было доставлено сюда всего несколько часов назад.

Я должен действовать со всей возможной быстротой.

Нечистая тварь билась под колоколом, ударяясь о стекло, как будто чуяла, что грядет. Но при всей своей сверхъестественной силе она не могла выбраться на свободу. В этом не преуспели и куда более древние и сильные существа, как ни пытались.

За последние годы множество подобных созданий были заключены Джоном в стеклянное узилище.

Невероятное множество...

Хотя он знал, что ему ничего не угрожает, животная сущность его ощущала опасность. И разуму, при всей его способности к логике, нечего было противопоставить этому чувству.

Алхимик прерывисто вздохнул, вновь запустил руку в потайную нишу и извлек некий предмет, обернутый в промасленную ткань. Сверток был перевязан алым шнуром и заключен в восковую оболочку. Стараясь не повредить воск, Джон направился к занавешенному окну, крепко прижимая ношу к груди. Даже сквозь ткань и воск ужасающий холод, исходящий от предмета, леденил его пальцы и ребра.

Он слегка приоткрыл плотные портьеры, впустив в лабораторию узкий луч утреннего солнца, и дрожащими руками положил сверток в пятно света на каменной столешнице. Сам он встал по другую сторону, так, чтобы его тень даже краешком не задела поверхность предмета. Сняв с пояса острый тонкий нож, Ди разрезал воск и алый шнур. Потом с величайшей осторожностью развернул ткань, белые кусочки воска отделились от нее и осыпались на стол.

Солнце, сиявшее в эти ранние утренние часы над Чехией, озарило то, что скрывалось в коконе из воска и ткани: дивный самоцвет величиной с ладонь алхимика, переливающийся изумрудно-зеленым блеском. Но это был *не изумруд*.

– Алмаз, – прошептал Ди в безмолвии лаборатории.

В подземной комнате снова стало тихо, когда существо, сидевшее под колоколом, отшатнулось прочь от того, что сияло на столе. Взгляд твари загнанно метался из стороны в сторону, а солнечный свет, отражавшийся от самоцвета, бросал мерцающие зеленые отблески на оштукатуренные стены.

Джон не обратил ни малейшего внимания на страх пленницы и внимательно посмотрел на алмаз, в самом сердце которого ворочалась чернильно-черная мгла. Она была текучей, словно смесь дыма и масла, – живое существо, заключенное внутри алмаза, точно так же, как демоническая тварь была заключена под колоколом.

Хвала Господу за это.

Он коснулся холодного, как лед, самоцвета кончиком пальца. Если верить легенде, камень был добыт в глубочайших коях Дальнего Востока. И подобно всем великим камням, он нес на себе проклятие – так гласила молва. Люди убивали ради того, чтобы завладеть им, и умирали вскоре после того, как самоцвет попадал в их руки. Более мелкие алмазы, добытые из той же жилы, украшали короны чужеземных властителей, но этому не была уготована столь пустая и суетная судьба, как его собратьям.

Ди осторожно поднял зеленый алмаз. Прошли десятилетия с тех пор, как камень высверлили изнутри. Два ювелира лишились остроты зрения, создавая внутри сияющего зеленого камня полость при помощи крошечных алмазных сверл. Крошечное отверстие закрывала костяная пластинка, такая тонкая, что почти просвечивала насквозь. Кость была похищена более тысячи лет назад из гробницы в Иерусалиме – это была последняя подлинная частица земного тела Иисуса Христа.

Или по крайней мере считалась таковой.

Джон закашлялся и, ощутив во рту металлический привкус крови, сплюнул в деревянное ведро, стоящее у стола. Недуг, пожиривший его изнутри, в последние дни мучил его почти непрерывно. Ди боролся за каждый вздох, гадая, не будет ли этот вздох последним. Легкие вздымались и опадали в груди со свистом и хрипом, словно порванные мехи.

Приглушенный стук в дверь заставил алхимика вздрогнуть, камень выскользнул из его пальцев и упал на деревянный пол. Вскрикнув, Ди быстро нагнулся за зеленой драгоценностью. Камень упал на пол, но не раскололся.

Боль пронзила сердце Джона, отдаваясь в левую руку. Он сполз на пол, прислоняясь к массивной ножке стола. Мензурка с желтой жидкостью упала на доски и разлетелась вдребезги. От краешка медвежьей шкуры, лежащей на полу, поднялся дымок.

– Мастер Ди! – послышался из-за двери юношеский голос. – Вам плохо?

Щелкнул замок, дверь распахнулась.

– Не подходи... – с усилием выдавил Джон. – Вацлав...

Но юноша уже вбежал в лабораторию, спеша на помощь наставнику, и поднял Джона с пола.

– Вы заболели?

Исцелить недуг Ди было не под силу даже самым могущественным алхимикам при дворе императора Рудольфа. Джон пытался сделать вдох, пока юноша поддерживал его. Наконец кашель утих, но острая боль в груди не ослабела, как это бывало прежде.

Юный подмастерье осторожно провел пальцами по лбу Ди, стирая липкий пот.

– Вы не спали всю ночь. Ваша постель была не разобрана, когда я пришел сегодня утром. Я пошел проверить... – Вацлав умолк, глянув в сторону стеклянного колокола и обнаружив заключенное внутри существо. Это зрелище оказалось ужасным для взора столь молодого и чистого душой человека. Юноша приглушенно ахнул от изумления и ужаса.

Тварь посмотрела на него и положила ладонь на стекло, во взгляде ее читался голод. Острый ноготь царапнул внутреннюю поверхность колокола. Тварь не кормили вот уже несколько дней.

Вацлав не мог оторвать взор от нагого тела твари – тела прекрасной женщины. Волнистые белокурые волосы падали на ее округлые плечи, наполовину скрывая обнаженные груди. Ее можно было назвать едва ли не безупречной, но в слабом свете, просачивавшемся сквозь

портьеры и проходившем сквозь толстый слой стекла, белоснежная кожа приобретала зеленоватый оттенок, как будто тело существа уже начало разлагаться.

Вацлав обратился к Джону, желая получить объяснения увиденному.

– Мастер?

Юный подмастерье поступил на службу к Ди, будучи еще восьмилетним мальчиком, однако весьма сообразительным и проворным. Все эти годы Джон наблюдал, как Вацлав вырастает в юношу, искусного в смешивании зелий и возгонке масел. Его, несомненно, ожидало блестящее будущее.

Ди любил его, как родного сына.

Однако сейчас без колебаний поднял острый нож и полоснул юношу по горлу.

Вацлав схватился за рану и устремил взгляд на Джона, не в силах поверить в такое предательство. Кровь хлынула у него между пальцев и запятнала пол. Юноша упал на колени, обеими руками пытаясь остановить алый поток, уносящий жизнь.

Существо под колоколом бросалось на стенки своей стеклянной темницы с такой силой, что массивная железная подставка зашаталась.

Ты чувствуешь кровь? Это так тебя возбуждает?

Джон наклонился, поднял с пола зеленый самоцвет и поднес его к солнечному свету, дабы проверить целостность печати. Тьма ворочалась внутри, словно ища малейшую трещину, но выхода наружу не находила. Ди перекрестился и зашептал благодарственную молитву. Алмаз остался цел.

Снова положив камень на солнце, Джон преклонил колени рядом с Вацлавом и отбросил пряди кудрявых волос с лица юноши.

Бледные губы Вацлава дрогнули, в горле у него заклокотало.

– Прости меня, – прошептал алхимик.

Беззвучно, одним лишь движением губ, юноша задал вопрос – одно-единственное слово.

Почему?

Джон не мог ни объяснить этого своему подмастерью, ни искупить вину за убийство. Он лишь коснулся ладонью щеки юноши.

– Я хотел бы, чтобы ты не увидел этого. Чтобы ты прожил долгую жизнь, посвященную науке. Но Господь судил иначе.

Окровавленные пальцы Вацлава разжались, открыв страшную рану на горле. Карие глаза остекленели, когда жизнь покинула его тело. Джон осторожно опустил веки умершего – они все еще были теплыми и податливыми.

Склонив голову, алхимик быстро пробормотал молитву за упокой души Вацлава. Юноша был безгрешен, и ныне ему был уготован лучший мир. И все же это была тяжкая потеря.

Существо под стеклянным колоколом, бестия, некогда бывшая человеком, посмотрела в глаза алхимику. Ее взгляд скользнул к телу Вацлава, затем снова обратился к Джону. Должно быть, тварь прочла боль на лице Ди, потому что впервые с тех пор, как ее передали ему, она улыbnулась, обнажая длинные белые клыки и явно насмехаясь над его горем.

Джон с трудом поднялся на ноги. Боль в сердце не утихала. Нужно как можно быстрее закончить дело.

Шаткой походкой он прошел через комнату, закрыл дверь, которую Вацлав оставил нараспашку, и запер. К этому замку было лишь два ключа, и второй сейчас валялся на полу в луже стывшей крови Вацлава. Больше никто не побеспокоит Джона.

Алхимик вернулся к прерванному занятию, проведя пальцами по стеклянной трубке, идущей от колокола к рабочему столу. Он тщательно проверил, нет ли в трубке трещин или сколов, хотя эта проверка заняла немало времени. *Я слишком близок к результату, чтобы допустить хоть малейшую ошибку.*

На конце трубка сужалась, ее выходное отверстие было так мало, что в него едва можно было пропустить швейную иглу – то была работа искусного ремесленника, достигшего вершин мастерства. Джон еще немного раздвинул плотные портьеры, так, чтобы утренний свет упал на узкий кончик стеклянной трубки.

Боль в груди нарастала, не давая шевельнуть левой рукой. Сейчас ему нужны были все силы, но они быстро таяли.

Трясущейся правой рукой он поднял камень. Самоцвет сиял в солнечном свете, прекрасный и смертоносный. Ди сжал губы, борясь с тошнотой, и при помощи крошечных серебряных щипчиков убрал костяную заслонку с одной из граней камня.

Колени у алхимика подкашивались, но он стиснул зубы, одолевая слабость. Теперь, когда костяная пластинка снята, самоцвет должен быть постоянно залит солнечным светом. Даже мгновенно упавшая тень позволит дымной тьме, обитающей внутри, выскользнуть в большой мир.

Это не должно случиться... по крайней мере сейчас.

Тьма уплощилась и поползла вверх по стенкам крошечной темницы, пытаясь достичь узкого отверстия, но остановилась, явственно страшась показаться на свет. Зло, сокрытое внутри камня, должно быть, неким образом чувало, что солнечное сияние обладает властью уничтожить его. Единственным убежищем для этого зла сейчас была изумрудно-зеленая сердцевина алмаза.

Медленно, с величайшей осторожностью Джон совместил маленькое отверстие, высверленное в алмазе, с оконечностью стеклянной трубки. То и другое было сейчас залито солнечным светом.

Взяв горящую свечу, стоящую на испятнанной поверхности стола, алхимик поднял ее над алмазом, роняя капли воска на самоцвет и стеклянную трубку, так, чтобы эти капли образовали печать, непроницаемую для воздуха. Только после этого он задернул портьеры и позволил тьме укрыть зеленый камень. При свете свечи была видна темная масса, шевелящаяся в сердце алмаза. Тьма закрутилась маленьким смерчем и поползла вверх по краям отверстия. Ди задержал дыхание, наблюдая, как она перетекает через край. Казалось, эта тьма испытывает на прочность восковую печать. Лишь убедившись, что в воске нет ни малейшей щелочки, позволяющей просочиться в лабораторию, она потекла по стеклянной трубке. Пройдя по всей ее длине, тьма закономерным образом должна была попасть туда, куда выводила эта трубка, – под стеклянный колокол, где была заключена женщина.

Джон покачал седой головой. Хотя эта тварь некогда и была женщиной, ныне она утратила право так именоваться, и ему не следовало даже думать о ней подобным образом. Она притихла и замерла в центре колокола, ее яркие синие глаза неотрывно смотрели на алхимика.

Ее кожа была безукоризненно-белой, словно алебастр, волосы были подобны струящемуся золоту, но через толстое стекло то и другое отливало водянисто-зеленым цветом. Но тем не менее она была самым прекрасным созданием, какое Ди видел за свою жизнь. Бестия прижала ладонь к стеклу, свет свечи озарил изящные длинные пальцы. Джон прошел через комнату и приложил свою ладонь к колоколу ровно напротив ее ладони. Стекло холодило его кожу. Джон всегда знал, что она будет последней его подопытной – даже если не принимать во внимание боль в груди и нарастающую слабость. Она была шестьсот шестьдесят шестой узницей этого колокола. Ее смерть станет завершением работы.

Движением губ она обозначила одно-единственное слово, тот же самый вопрос, который задал Вацлав.

Почему?

Ди ничего не мог ответить на это, как не мог ответить своему убитому подмастерью.

Ее глаза обратились на тьму, которая подползала все ближе к колоколу.

Как и все прочие, она подняла руки, обратив ладони навстречу омерзительной дымке, просочившейся в стеклянное узилище. Губы существа беззвучно шевелились, на лице отобразился восторг.

В прежние годы Ди всегда ощущал смущение, глядя, как общаются между собой эти творения мрака, но это чувство давным-давно покинуло его. Алхимик прижался к стеклу, стараясь оказаться как можно ближе к ним. Даже боль в груди унялась, пока он наблюдал за происходящим.

Внутри колокола черный дым сконденсировался у верха колокола, образовав туман, состоящий из крошечных капель, – а потом обрушился на одинокую узницу стеклянной темницы. Влага потекла по ее тонким пальцам, по вскинутым вверх рукам. Существо запрокинуло голову и закричало. Джону не нужно было даже слышать ее, чтобы распознать чувство, звучащее в этом крике: вся поза твари выдавала неистовый экстаз. Она поднялась на цыпочки, груди ее напряглись; она дрожала, когда капли омывали ее тело, покрывая его полностью.

Узница содрогнулась в последний раз и упала, ударившись о стенку колокола; ее тело, ныне безжизненное и обмякшее, сползло на дно темницы.

Туман завис над ее трупом, чего-то ожидая.

Свершилось.

Джон отшатнулся от колокола. Обойдя тело Вацлава, он поспешил к окну и широко распахнул портьеры. Ворвавшийся в лабораторию солнечный свет заиграл на боках стеклянного колокола. Тело проклятой твари, запертой внутри, вспыхнуло пламенем и превратилось в омерзительный дым, смешавшись с ожидающим туманом.

Черная дымка – ныне, когда к ней примешалась сущность твари, она стала значительно гуще – отпрянула от солнечного света и метнулась к единственному темному убежищу, которое смогла найти: к стеклянной трубке, ведущей обратно в алмаз. При помощи серебряного ручного зеркала Ди отражал солнечный свет на трубку, преследуя и гоня нечистую тьму обратно в изумрудно-зеленую сердцевину самоцвета – в единственное место, где она могла укрыться в этом залитом солнцем мире.

И когда она вновь полностью, до последней капли, оказалась в каменной темнице, Джон осторожно сломал восковую печать, отделяя алмаз от трубки. Неукоснительно держа крошечное отверстие на свету, он отнес самоцвет к пентаграмме, которую давно уже начертал на полу, и положил камень в середину ее. Свет солнца по-прежнему озарял зеленый алмаз.

Теперь уже совсем скоро...

Ди аккуратно заключил пентаграмму в круг из крупы соли. Насыпая соль, он читал молитвы. Жизнь его шла к завершению, но он наконец-то сможет достичь того, о чем мечтал всегда: открыть врата в ангельский мир.

Более шести сотен раз он выводил этот круг, более шести сотен раз читал эти молитвы. Но в глубине души он знал, что на этот раз все будет иначе. Алхимик прочел стих из Откровения: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть»¹.

– Шестьсот шестьдесят шесть, – повторил Ди.

Таково было число тварей, которых он держал в заточении под колоколом, число дымных сущностей, которые он собрал в этом самом алмазе, когда твари погибали, охваченные пламенем. Потребовалось десять лет, чтобы найти их в таком количестве, изловить их, а затем умертвить – и собрать воедино те сущности зла, что давали видимость жизни сим проклятым созданиям. Ныне эти же силы откроют врата в ангельский мир...

Ди закрыл лицо руками, тело его содрогалось. У него было так много вопросов к ангелам! «Со времен, описанных в Книге Еноха, ангелы не приходят к людям без повеления Господа.

¹ Откр. 13:18.

И с тех самых пор люди не могут вкусить от их мудрости. *Но я низведу их свет на землю и поделюсь им со всем человечеством».*

Подойдя к камину, он зажег длинную свечку и обошел круг, возжигая пять свечей, установленных в углах пентаграммы. Желтые огоньки в сиянии солнца казались слабыми и бессильными, они подрагивали от сквозняка, тянувшего от окна.

Наконец Ди задернул портьеры, и комнату окутал мрак.

Джон бросился обратно и преклонил колени у края круга.

Чернильно-черный дым просочился сквозь крошечное отверстие самоцвета наружу. Он двигался осторожно, возможно чуя, что большой мир за пределами лаборатории по-прежнему залит светом нового дня. Затем мгла, словно бы осмелев, кинулась к Джону, точно намереваясь завладеть им и заставить его заплатить за то, что он так долго держал ее в заточении. Но соляной круг не давал ей выйти за предел.

Не обращая внимания на эту угрозу, Джон шепотом, едва слышным из-за треска пламени в камине, произнес несколько слов на енохианском языке – языке, давно утраченном человечеством:

– Я повелеваю тебе, Владыка Тьмы, показать мне свет, что противостоит твоему мраку.

Черное облако внутри круга дрогнуло один раз, потом второй, сжимаясь и расширяясь, подобно живому сердцу. И с каждым содроганием оно становилось все больше.

Джон сложил ладони перед грудью:

– Защити меня, Господи, ибо жажду я узреть великолепие, сотворенное Тобою.

Тьма образовала овал такой величины, что сквозь него мог пройти человек.

Слуха Ди коснулись слова, произнесенные шипящим шепотом:

– *Иди ко мне...*

Голос исходил из портала.

– *Служи мне...*

Джон поднял незажженную свечу, лежавшую на полу рядом с ним, и засветил ее от одной из свечей в углу пентаграммы. Воздев пламя вверх, он воззвал к покровительству Господа.

Послышался новый шум, словно с другой стороны врат что-то двигалось, а следом раздался гулкий звон – как от соударения металла о металл.

И снова в его разум вползли слова:

– *Из всех смертных я счел достойным лишь тебя.*

Ди поднялся и сделал шаг по направлению к кругу, но запнулся о вытянутую руку Вацлава. Алхимик остановился, не ожиданно ощутив, насколько грешен он для того, чтобы глазам его открылось подобное величие.

Я убил невинного.

Его безмолвная исповедь была услышана.

– *У величия есть своя цена,* – заверил его голос. – *И лишь немногие готовы платить ее. Ты не таков, как другие, Джон Ди.*

Алхимик задрожал, услышав эти слова – особенно последние два.

Ангел произнес мое имя – оно известно ему.

Ди разрывался между гордостью и страхом, комната вращалась, словно он был пьян. Свеча выпала из его пальцев и, так и не погаснув, покатилась в круг, а затем через портал. Ее свет озарил то, что скрывалось по ту сторону дымных врат.

Приоткрыв рот, Джон смотрел на исполненную невероятного величия фигуру, восседающую на полированном черном троне.

Свет свечи отразился в глазах, черных, точно нефтяные озера. Лицо сидящего было безжалостно-прекрасным, каждая черта его словно была изваяна из оникса. Венчала этот дивный лик изломанная серебряная корона, ее поверхность была тусклой и черной, а зазубренные края выглядели подобно терниям. Из-за широких плеч вздымались могучие крыла, перья их были

черными и блестящими, словно у ворона. Круто изгибаясь, они ниспадали, окутывая и скрывая от глаз обнаженную фигуру сидящего.

Крылатый подался вперед, зазвенев почерневшими серебряными цепями, которыми было опутано и приковано к трону его безупречно-прекрасное тело.

Джон знал, кого лицезрел в эти мгновения.

– Ты не ангел, – прошептал он.

– *Я ангел... и всегда им был.* – Ровный голос наполнял голову алхимика, но губы фигуры, сидящей на троне, оставались неподвижными. – *Твои слова призвали меня. Кем еще я могу быть?*

Сердце Джона сжимало неверие, сопровождаемое нарастающей болью. Он ошибался. Тьма не призывает свет – напротив, она взывает ко тьме.

И пока он в ужасе смотрел сквозь портал, одно из звеньев цепи, сковывавшей сидящего, лопнуло. Ярко блеснуло серебро на изломе. Создание мрака готово было вырваться на волю.

Это зрелище вырвало Джона из оцепенения. Он отшатнулся от круга и, поднявшись на нетвердые ноги, заковылял к окну. Он не должен позволить твари из мрака войти в этот мир.

Стой...

Этот краткий приказ, состоящий из единственного слога, пронзил голову алхимика неистойой болью. Ди не мог думать, едва мог двигаться, но заставил себя не останавливаться. Скрюченными, точно клешни, пальцами он вцепился в плотную портьеру и потянул изо всех своих слабых сил.

Бархат порвался.

Солнечный свет хлынул в комнату, озарив колокол, рабочий стол, соляной круг и наконец – дымный портал. Оттуда донесся такой пронзительный вопль, что Ди показалось, будто его голова разлетелась на кусочки.

Это было чересчур.

Но этого оказалось достаточно.

Джон Ди осел на пол, и последнее, что он видел, – это тьма, бегущая прочь от солнечного света в свое убежище внутри самоцвета. Покидая этот мир, алхимик вознес свою последнюю молитву:

Пусть никто никогда не найдет этот проклятый камень...

* * *

К полудню солдаты разнесли дверь лаборатории небольшим тараном. И преклонили колени вдоль стен коридора, когда сам император быстрым шагом прошел мимо них.

– Лягте ничком и не поднимайте лиц от пола, – приказал он.

Солдаты повиновались без единого вопроса.

Император Рудольф II прошел мимо распростертых солдат в лабораторию и сразу же узрел пентаграмму, лужицы воска и два мертвых тела на полу – алхимик и его юный подмастерье.

Рудольф знал, *что* означает их смерть.

Джон Ди не оправдал его надежд.

Не обращая больше внимания на трупы, Рудольф вошел в мистический круг и взял из центра драгоценный алмаз. Отвратительная черная масса копошилась в изумрудно-зеленой сердцевине самоцвета. Холодная ярость исходила из камня, жаля разум Рудольфа, однако больше никакого вреда содейть она не могла. Что бы Ди ни сотворил помимо того, но зло он наружу не выпустил.

Держа сверкающий камень на солнечном свете, Рудольф закрыл отверстие кусочком кости, который так и лежал, забытый, на уголке стола: полупрозрачный, как снежинка, но

исполненный огромного могущества. Император зажег свечу и запечатал стык алмаза и кости. Падающие капли растопленного воска обжигали ему пальцы.

Покончив с этим, Рудольф сел на старый стул и осторожными движениями завернул переливчатый зеленый самоцвет и заключенную внутри камня тьму в новый лоскут промасленной ткани. Затем перевязал сверток шнуром и макнул в котел с теплым воском, который Ди всегда ставил у самого камина. Чтобы убедиться, что слой воска покроет сверток полностью, не оставив ни малейшей щели, Рудольф полностью погрузил его в котел.

Он оглянулся на солдат, оставшихся в коридоре. Те лежали ниц, как им и было приказано, уткнувшись лицами в пол. Довольный тем, что никто за ним не следит, император открыл потайную нишу в каминной доске и уложил в нее зловеющий сверток. И прежде чем закрыть незаметную дверцу, прошептал быструю молитву на енохианском языке, прося о защите.

По крайней мере на некоторое время зло было сокрыто от глаз людских.

Рудольф ощущал нарастающую усталость во всем теле. Уже давным-давно он не ведал настоящего отдохновения и сегодня тоже не найдет его. Со вздохом император вновь опустился на деревянный стул у рабочего стола Ди и взял из неровной стопки лист выделанной бумаги. Потом обмакнул перо в серебряную чернильницу и начал писать, используя енохианский алфавит, в тайну которого были посвящены лишь немногие из живущих ныне.

Завершив письмо, император сложил бумагу вчетверо, запечатал черным воском и выдал на горячей жиже печать, выгравированную на его перстне. Через час надежный человек должен отправиться в путь, дабы доставить послание адресату.

Император просил о помощи.

Ему нужен был совет той единственной, что проникла разумом в мир ангелов света и тьмы столь же глубоко, как и Ди. Рудольф бросил взгляд на лежащие на полу трупы, молясь о том, чтобы она сумела исправить урон, понесенный здесь сегодня.

Он взял в руки свое столь поспешно начертанное письмо. Солнечный свет озарил черные буквы знаменитого имени той, кому оно было адресовано:

Графине Элисабете Батори из Эчеда.

Часть I

*Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека.
И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне,
ибо нас много.
Мк. 5:8–9*

Глава 1

17 марта, 16 часов 07 минут по центральноевропейскому времени

Ватикан

Не попадись.

Это предупреждение держало доктора Эрин Грейнджер в непреходящем напряжении. Она, согнувшись, сидела на корточках за стойкой картотеки в центре читального зала Ватиканской апостольской библиотеки. Белый сводчатый потолок высоко над ее головой был украшен изящными фресками. По обе стороны от того места, где она пряталась, тянулись полки с редчайшими в мире книгами. В этой библиотеке хранилось более семидесяти пяти тысяч рукописей и свыше миллиона книг. Будь доктор Грейнджер просто археологом, она с радостью проводила бы здесь целые часы и даже дни, но в последнее время библиотека стала для нее скорее тюрьмой, чем местом, где делались открытия.

Сегодня я должна сбежать отсюда.

Она составила план побега не одна. Ее сообщником был отец Христиан. Он стоял сейчас поодаль от нее, но так, что она могла ясно его видеть. Без слов, одними лишь почти незаметными взмахами руки он призывал ее поторопиться. Отец Христиан выглядел как обычный молодой священник: высокий, с темно-каштановыми волосами, выступающими скулами и гладкой кожей. Его можно было легко принять за человека, которому не исполнилось еще и тридцати лет, хотя на самом деле он был на много десятилетий старше. Некогда он был чудовищем, *стригоем*, тварью, питающейся человеческой кровью. Но в давние поры он вступил в католический Орден сангвинистов и принес обет вечно жить лишь Кровью Христовой. Он и сейчас был сангвинистом – и одним из немногих, кому Эрин безоговорочно доверяла.

Поэтому она полагалась на его слова и в том, что касалось женщины, находящейся сейчас рядом с нею.

Молодая монахиня, сестра Маргарет, спряталась за стойкой, возле которой стояла Эрин. Тяжело дыша, она пыталась выпутаться из своего темного облачения, а ее апостольник² уже лежал на полу у ног Эрин. Судя по испарине, выступившей на лбу монахини, она была человеком. Грейнджер могла бы поклясться, что слышит учащенное сердцебиение монахини – такое же частое, как у нее самой.

– Вот, – сказала Маргарет, встряхивая длинными белокурыми волосами, которые теперь свободно рассыпались по ее плечам. Эрин поймала взгляд ее темно-янтарных глаз. Они были

² Апостольник – головной убор монахини.

примерно одного роста и сходны цветом волос и кожи – это было существенно важной частью их плана.

Эрин стала натягивать через голову облачение Маргарет. Черная саржа царапала щеки, недавно выстиранная ткань пахла свежестью. Женщина одернула одеяние, постаравшись разгладить его на бедрах – насколько это можно было сделать, сидя на корточках. Маргарет подняла с пола белый апостольник и помогла Эрин правильно надеть его на голову, так, чтобы он плотно прилегал к щекам и полностью закрывал белокурые волосы. Несколько выбившихся прядок были тщательно заправлены под плат.

Покончив с этим, монахиня откинулась назад и критическим взором окинула Эрин.

– Что скажешь? – спросил Христиан, едва двигая губами и опираясь рукой на стойку каталога, чтобы скрыть от посторонних глаз происходящее здесь.

Маргарет удовлетворенно кивнула. Эрин теперь выглядела так же, как любая монахиня, почти безликая и безымянная – больше, чем монахинь в черных одеяниях и белых апостольниках, в Ватикане было только туристов и священников.

В довершение маскарада Маргарет повесила на грудь Эрин большой серебряный крест на черном шнуре и протянула ей серебряное кольцо. Грейнджер надела теплое колечко на безымянный палец и осознала, насколько непривычно ей это ощущение – она никогда не носила колец на этом пальце.

Тридцать два года, и замужем никогда не была.

Она знала, что ее отец, давно покойный, пришел бы в ужас, узнав, что его дочь ждет такая судьба. Он с пылом проповедовал, что высочайший долг женщины – рожать детей для служения Господу. И конечно же, он точно так же ужаснулся бы, если б узнал, что она училась в светской школе, получила степень доктора археологии и последние десять лет потратила на доказательство того, что описанная в Библии история по большей своей части обязана происхождением отнюдь не чудесам Господним. Если б он уже не отказался от нее за то, что в юности она сбежала из закрытой церковной общины, то сейчас бы точно проклял ее. Однако Эрин вполне смирилась с этим.

Несколько месяцев назад ей предложили проникнуть взглядом в тайную историю мира: в то, чему не давали объяснения ни книги, которые она прочла за время обучения, ни наука, служившая фундаментом ее личной веры. Тогда Эрин впервые встретила сангвиниста – живое доказательство того, что чудовища существуют и что христианское служение способно обуздать их.

И все же она сохраняла изрядную часть своего скепсиса и манеры подвергать все сомнению. Быть может, она и признала существование стригоев – но только после того, как встретилась с одним из них, узрела его свирепость и его острые зубы. Она верила только в то, в чем могла убедиться самолично, и потому изначально настаивала на этом плане.

Маргарет стянула свои белокурые волосы в хвост – обычно Эрин носила именно такую прическу. Под облачением на монахине были старые джинсы Грейнджер и ее же белая хлопковая рубашка. С некоторого расстояния она вполне могла сойти за Эрин.

По крайней мере я на это надеюсь.

Обе повернулись к Христиану, чтобы он выразил свое окончательное мнение по поводу их маскарада. Он поднял вверх большие пальцы, потом склонился к Эрин и прошептал ей на ухо:

– Эрин, впереди ждет настоящая опасность. Тебе предстоит пройти запретными путями. Если тебя поймают...

– Я знаю, – ответила она.

Священник протянул ей сложенную карту и ключ. Женщина попыталась взять их, но Христиан крепко держал их.

– Я готов пойти с тобой, – сказал он, глаза его тревожно поблескивали. – Скажи лишь слово.

– Ты не можешь, – возразила она. – И ты это знаешь.

Эрин оглянулась на Маргарет. Чтобы их уловка сработала, Христиан должен оставаться в библиотеке. Он был назначен телохранителем Эрин, и неспроста. В последнее время число нападений стригоев на людей по всему Риму возросло. Что-то встревожило чудовищ. И не только здесь. Известия со всего мира указывали на то, что равновесие между светом и тьмой сместилось.

«Но что было причиной тому?»

У Эрин были некоторые подозрения, но прежде чем поделиться ими, она хотела получить доказательства, и сегодняшняя тайная вылазка могла дать необходимые ей ответы.

– Будь осторожна, – произнес наконец Христиан, отдавая карту и ключ. Потом взял Маргарет за руку и помог ей встать. Они надеялись, что все решат, будто блондинка, находящаяся рядом с Христианом, и есть Эрин, и тогда отсутствие настоящей Эрин пройдет незамеченным.

– Твоя кровь, – прошептала Грейнджер. Этот предмет был нужен ей так же, как нужен был ключ.

Христиан чуть заметно кивнул и сунул ей в руку закупоренный стеклянный флакон, содержащий несколько миллилитров его черной крови. Эрин сунула холодный флакон в карман, в котором лежал фонарик.

Христиан коснулся своего наперсного креста и прошептал:

– Ни пуха ни пера!

Потом повел сестру Маргарет от стойки картотеки к столу, где Эрин оставила свой рюкзак и блокнот. Грейнджер оглянулась на рюкзак – ей не хотелось покидать его здесь. В нем, укрытая в герметичном чехле, лежала книга, куда более драгоценная, чем все множество древних томов, хранящихся в тайных архивах Ватикана.

Это было Кровавое Евангелие.

Книга пророчеств, написанная самим Христом, начертанная Его святой кровью. Лишь несколько страниц этой книги являли себя взору. Эрин вообразила, как пламенные строки возникают на чистых древних страницах. Это были строфы зашифрованных пророчеств. Некоторые из них были уже разгаданы, другие все еще оставались нераскрытой тайной. Но куда более интригующими были сотни чистых страниц, все еще не явивших свое сокрытое содержание. Ходили слухи, что эти утраченные тайны могли содержать все знания о вселенной, о Боге, о значении всего сущего и того, что лежит вне мира.

Даже сейчас у Эрин пересохло во рту при мысли, что ей придется оставить здесь такую сокровищницу знания. Она испытывала гордость от того, что это знание было открыто ей. Эта книга была вверена ей в египетской пустыне. Слова, начертанные в Кровавом Евангелии, можно было прочесть лишь тогда, когда Эрин держала том в руках. И до сего момента она повсюду носила его с собой, не выпуская из поля зрения.

Но теперь ей придется это сделать.

Монахини не носят рюкзаков, и чтобы ее маскарад остался нераскрытым, Эрин придется оставить драгоценную книгу под надежным попечением Христиана.

И чем быстрее я это сделаю, тем скорее смогу вернуться.

Понимание этого заставило ее поспешно выпрямиться. Идти предстоит довольно далеко, а если она не вернется к вечеру, когда библиотека закрывается, их обман раскроют. Выбросив эту мысль из головы, Эрин склонила голову, чтобы никто не видел ее лица, сделала глубокий вдох и вышла из-за картотечной стойки в наполненный тихим шелестом и шепотом читальный зал. Похоже, никто не обратил на нее особого внимания, пока она медленно шла к парадной двери. Эрин заставляла себя сохранять спокойствие. Чувства у сангвинистов настолько острые, что они способны расслышать человеческое сердцебиение. И могут задаться вопросом, почему

это у монахини, прошедшей через такое спокойное помещение, как библиотека, сердце бешено колотится.

Эрин миновала ряды полок и столов из полированного дерева, на которых громоздились стопки книг. Многие из ученых, сидевших за столами, немало лет ждали возможности попасть сюда. Они с благоговением склонялись над своими записями – их рвение сделало бы честь любому священнику. Когда-то и Эрин была такой же, как они, – пока не открыла иной, лежащий куда глубже пласт истории. Известные тексты и знакомые тропы больше не привлекали ее.

И это было обоюдно. Обычные способы научных изысканий теперь были закрыты для нее. Недавно она была уволена с занимаемой ею должности в Стэнфордском университете – из-за гибели студента на раскопках в Израиле. Эрин понимала, что должна как-то обеспечивать себе будущее, волноваться о перспективах своей карьеры, – но все это больше не имело значения. Если она и остальные не достигнут цели, ни у кого больше не будет будущего, о котором нужно тревожиться.

Она распахнула тяжелую библиотечную дверь и вышла под яркое послеполуденное небо Италии. Весеннее солнце приятно согревало щеки, но у Эрин не было времени наслаждаться этим теплом. Она ускорила шаг, спеша через Священный город к базилике Святого Петра. Вокруг кишели туристы, постоянно сверяясь с картами и указателями.

Эта толпа мешала идти, однако в конце концов Эрин добралась до огромной величественной базилики. Это здание символизировало папскую власть, и любой человек, смотрящий на него, не мог не проникнуться его грандиозностью. И пусть даже Эрин знала, ради каких мрачных целей оно возведено, но красота фасада и массивных куполов неизменно наполняла ее душу благоговением.

Она направилась напрямик к гигантским дверям и, не встречая никаких препятствий, прошла между мраморными колоннами высотой в два этажа. Проходя через атриум в обширный неф базилики, Эрин бросила взгляд на стоящую справа микеланджеловскую «Пьету» – изваяние скорбящей Богоматери, держащей на коленях мертвое тело сына. Эрин ускорила шаг – словно скульптура напомнила ей о том, о чем не следовало забывать. «Если я потерплю неудачу, множество матерей будут оплакивать своих погибших детей».

Но она по-прежнему понятия не имела, что делает. За последние два месяца она перерыла Ватиканскую библиотеку в поисках истины, скрывающейся за последним пророчеством Кровавого Евангелия: *«Купно трио должно отправиться в свои последние искания. Кандалы Люцифера разомкнуты, а Чаша его по-прежнему утрачена. Потребуется свет всех троих, дабы сплотить сию Чашу сызнова и опять изгнать его в тьму непреходящую».*

Скептически настроенная часть разума Эрин – та часть, которая по-прежнему не желала принимать истину о стригоях, ангелах и чудесах, разворачивающихся у нее перед глазами, – сомневалась в том, что эта задача вообще выполнима.

Заново создать какую-то древнюю чашу, прежде чем Люцифер вырвется на свободу из ада?

Это было похоже скорее на какой-нибудь древний миф, чем на действие, которое можно совершить в нынешние времена.

И все же она была одной из *предреченного трио*, о котором гласило Кровавое Евангелие. Это трио составляли Рыцарь Христов, Воитель Человеческий и Женщина Знания. И предполагалось, что Эрин, будучи упомянутой Женщиной Знания, должна раскрыть истину, спрятанную за этими таинственными словами. Двое других ожидали ее решения, исполняя собственные задачи, пока она работала в Ватиканской библиотеке, пытаясь отыскать ответы. Ни одного из них сейчас не было в Риме, и Эрин не хватало их обоих, она хотела бы, чтобы они были рядом с нею – хотя бы затем, чтобы она могла поделиться с ними своими многочисленными предположениями.

И конечно, куда большее связывало ее с сержантом Джорданом Стоуном – Воителем Человеческим. За несколько коротких месяцев, прошедших с их первой встречи, Эрин успела влюбиться в отважного солдата с пронзительными синими глазами, наделенного ненавязчивым чувством юмора и четким пониманием долга. Он мог заставить ее рассмеяться в самые напряженные моменты, он несчетное число раз спасал ей жизнь.

Разве все это могло не прийти ей по душе?

Мне не по душе то, что тебя нет сейчас со мною.

Это была эгоистичная мысль, однако это было правдой.

В последние несколько недель он начал отдаляться от нее и от всего остального. Сначала Эрин решила, что Стоун нервничает из-за того, что его оторвали от привычной службы в армии и против его желания прикомандировали к сангвинистам. Но потом заподозрила, что его отстраненность имеет куда более глубокие причины и что она постепенно теряет его.

Сомнения отравляли ее душу.

Быть может, он не хочет тех отношений, к которым стремлюсь я...

Быть может, я не та женщина, что нужна ему...

Эрин была ненавистна сама мысль об этом.

Третий участник трио, отец Рун Корца, доставлял еще больше проблем. Рыцарь Христов был сангвинистом. Эрин прониклась уважением к его строгому моральному кодексу, его невероятному искусству бойца и его преданности Церкви, но она по-прежнему боялась его. Вскоре после их встречи он испил ее крови в момент острой нужды, едва не убив ее в темных катакомбах под Римом. Даже сейчас, проходя через базилику Святого Петра, Эрин без труда могла вспомнить те ощущения: острые зубы, пронзающие ее горло, странный экстаз, охвативший ее в эти мгновения и придавший этому действию одновременно эротический и тревожный окрас. Это воспоминание в равной мере ужасало и пленяло ее.

Сейчас они, как и раньше, работали над одним и тем же, хотя относились друг к другу настороженно, как будто оба понимали, что черту, пролегшую между ними в катакомбах, будет не так-то легко стереть.

Быть может, именно поэтому Рун исчез из Рима и не показывался уже несколько месяцев.

Эрин вздохнула, снова пожалев о том, что ее соратников нет рядом, однако она понимала, что стоящую перед ней задачу ей придется решать самой. И это было тяжелое испытание. Если трио должно было заново создать нечто, именуемое «Чашей Люцифера», то Эрин предстояло найти некую разгадку природы этой предначинанной чаши. Она обыскала все ватиканские архивы, от подземных крипт, осыпающихся от времени, до полок в высокой Торре-дей-Венти, Башне Ветров, по ступеням которой некогда восходил в обсерваторию сам Галилей. Но все ее поиски до сих пор не привели ни к чему. Осталась неисследованной только одна библиотека – собрание трудов, запретное для любого, в ком бьется живое сердце.

Библиотека-деи-Сангинес, частная библиотека Ордена сангвинистов.

Но я должна попасть туда.

Эта библиотека была спрятана глубоко под базиликой Святого Петра, в катакомбах, куда имели доступ лишь члены Ордена сангвинистов, те стригои, что поклялись служить Церкви. Они отказались от пропитания человеческой кровью ради того, чтобы жить лишь Кровью Христовой – или, если говорить точнее, вином, которое посредством благословения и молитвы преображалось в этот священный напиток.

Эрин поспешно прошла через обширную базилику, заметив, что там стоит на страже больше швейцарских гвардейцев, чем обычно. Во всем городе-государстве была объявлена тревога из-за всплеска нападений стригоев. Даже Эрин, по уши закопавшаяся в древние книги, слышала истории о том, что чудовища, совершающие эти нападения, были сильнее и быстрее, чем обычно, и убить их было куда сложнее.

Но почему?

Это была еще одна загадка, разгадка которой могла скрываться в этой тайной библиотеке.

За последние несколько месяцев Эрин прочла тысячи пыльных папирусных свитков, древних пергаментов и глиняных табличек с вытисненными письменами. Тексты были записаны на множестве языков разными людьми, но ни один из этих текстов не содержал нужных ей сведений.

Пока два дня назад...

В Башне Ветров она обнаружила старую карту, спрятанную между страниц списка с Книги Еноха. Она искала этот древнееврейский текст – книгу, якобы написанную прадедом Ноя, – потому что в нем говорилось о падших ангелах и их потомках-полулюдях, именуемых нефилимами. Сам Люцифер предводительствовал этими падшими ангелами во время восстания против Небес и в итоге был низвергнут за то, что пытался воспрепятствовать Господу в Его замыслах касательно человечества. Но когда Эрин открыла этот древний том в Башне Ветров, из него выпала карта, начертанная густыми черными чернилами на листе пожелтевшей бумаги. Примечание к карте, сделанное витиеватым почерком средневекового переписчика, свидетельствовало, что на ней изображена еще одна находящаяся в Ватикане библиотека, более древняя, чем все остальные.

Именно тогда Эрин впервые услышала об этой тайной библиотеке.

Судя по карте, это собрание трудов было сокрыто в Святилище, лабиринте тоннелей и комнат под базиликой Святого Петра, где обосновались некоторые из сангвинистов. В этих древних катакомбах сангвинисты проводили несчетные годы своих бесконечных жизней, погрузившись в молитвы и размышления и отрешившись от забот суетного мира, от страстей, кипевших сотнями футов выше. Некоторые провели в этих подземных залах целые столетия, питаясь лишь глотками освященного вина. Каждый день священники подносили серебряные чаши к их бледным губам, вливая живительное причастие в недвижные тела. Сангвинисты искали лишь душевного покоя, и доступ в их тоннели был строго ограничен.

Если верить карте, лежащей в кармане Эрин, в Святилище хранились старейшие архивы в Ватикане. Она тайно расспросила Христиана об этом месте и узнала, что большинство документов, сокрытых там, было написано бессмертными сангвинистами, которые своими глазами наблюдали эту древнюю историю. Некоторые были знакомы с самим Христом. Другие жили в еще более древние времена и вступили в орден после того, как сотни лет пробыли дикими стригоями, питающимися людской кровью.

Хотя Святилище было запретно для людей, Эрин однажды уже побывала там, внизу, вместе с Руном и Джорданом. Они трое принесли Кровавое Евангелие в святая святых сангвинистов, дабы получить благословение основателя ордена, того, кого все звали Воскрешенным. Но Эрин узнала, что он носил имя, куда более известное по библейской истории.

Лазарь.

Он был первым из стригоев, кого Христос призвал к служению.

Но в своем желании изучить эту библиотеку Эрин наткнулась на сопротивление нынешнего главы римской ветви ордена – кардинала Бернарда. Она испрашивала позволения попасть в библиотеку, чтобы продолжить исследования, но ей ответили категорическим отказом. Кардинал твердо стоял на своем: никому из людей не позволено даже переступить порог библиотеки. Кроме того, он заверил Эрин, что в библиотеке содержатся сведения только о самом ордене и ничего такого, что могло бы помочь ей в поисках.

Реакция кардинала Эрин не удивила. Бернард относился к знанию как к дарующему власть сокровищу, которое нужно держать под замком.

Она попыталась пойти с козыря. «Само Кровавое Евангелие доверено мне как Женщине Знания», – напомнила она Бернарду, процитировав пророчество, недавно открывшееся им в пустыне: *«Отныне Женщина Знания связана с книгой нерасторжимо, и никто не может отторгнуть книгу у нее».*

И все же он остался непреклонен. «Я прочел эту библиотеку от начала до конца. Никто из находящихся в Святилище никогда не был на стороне Люцифера и его падших ангелов. История его падения была записана спустя долгое время после того, как произошло само это событие. Так что не осталось никаких непосредственных свидетельств о том, где и как пал Люцифер, о том, где он заключен, или о том, как были сотворены цепи, сковывающие его в вечном мраке, и как их можно восстановить. Поиски в этой библиотеке стали бы пустой тратой времени, даже если бы и не были под запретом».

Глядя в его суровые карие глаза, Эрин понимала, что он не преступит эти многовековые запреты. И это означало, что ей придется найти свой путь вниз, в библиотеку.

Не дойдя нескольких ярдов до дальней стены базилики, она устремила взгляд на статую святого Фомы – апостола, который сомневался во всем, пока не заполучит твердых доказательств. Эрин чуть заметно улыбнулась, несмотря на тревогу. «Моя душа во многом следует примеру этого апостола».

Она подошла ближе к статуе. Под ногами изваяния находилась маленькая дверца. Обычно ее не охраняли, но сейчас, направляясь к ней, Эрин увидела, что у входа стоит швейцарский гвардеец. Дверная ниша наполовину скрывала его от взгляда проходящих мимо. Грейнджер сжала зубы и шагнула в сторону из поля его видимости. Она знала, кто в ответе за это неожиданное препятствие.

«Черт бы тебя побрал, Бернард...»

Должно быть, кардинал поставил тут гвардейца после их жаркого спора, заподозрив, что Эрин может попытаться проникнуть в подземелья без разрешения.

Она начала искать решение проблемы – и обнаружила его в руках у девочки, идущей чуть поодаль от нее. Девчушке было лет восемь или девять, и она, отчаянно сучая, шаркала ногами по узорчатым мраморным плитам и катала в ладонях ярко-зеленый теннисный мячик. Ее родители вышагивали в нескольких ярдах впереди, оживленно беседуя между собой.

Эрин догнала девочку и подстроила шаг под ее походку.

– Привет.

Девчушка подняла взгляд, с подозрением щуря синие глаза. Нос ее был усыпан веснушками, рыжие волосы стянуты в два хвостика.

– Привет, – неохотно отозвалась она по-английски, как будто знала, что на приветствия монахинь отвечать положено в любом случае.

– Можно одолжить у тебя мяч?

Девочка спрятала теннисный мячик за спину, покрепче сжав его в ладонях.

Ладно, выберем другую тактику.

Эрин подняла руку, показав зажатую в пальцах купюру в пять евро.

– Тогда можно у тебя его купить?

Глаза девочки расширились, она уставилась на соблазнительную бумажку – а потом протянула Эрин пушистый мячик, соглашаясь на обмен и одновременно исподтишка посматривая вслед родителям.

Когда сделка была завершена, Эрин подождала, пока дитя отойдет подальше и присоединится к отцу и матери. Потом ловким незаметным движением бросила мяч по длинной дуге через весь неф, туда, где в нескольких шагах от охраняющего дверцу гвардейца стояла плотная группа из нескольких человек. Мяч ударил в затылок невысокого человека в сером плаще.

Тот выкрикнул несколько ругательств по-итальянски, и суматоха быстро распространилась на всю группу. Как и надеялась Эрин, швейцарский гвардеец отошел, чтобы узнать, что случилось.

Воспользовавшись тем, что он отвлекся, Эрин бросилась вперед и сунула в дверной замок ключ, который дал ей Христиан. По крайней мере петли оказались хорошо смазаны и не скрип-

нули, когда она распахнула дверцу. Оказавшись внутри, женщина захлопнула за собой дверь и на ощупь заперла. Сердце ее неистово колотилось.

Эрин приложила ладонь к двери, ощущая, как в душе нарастает тревога. «Как же я смогу выйти обратно и не попасться?»

Но она знала, что менять что-либо уже слишком поздно.

Теперь ей оставался только один путь.

Эрин включила фонарик и огляделась по сторонам. Перед ней тянулся длинный тоннель. Свод потолка изгибался на высоте примерно в девять футов от пола, в стенах виднелись ниши. Около двери стоял пыльный дубовый стол, на котором лежали восковые свечи и спички. Эрин взяла несколько свечей и один коробок спичек, но не стала пока зажигать их. Этот запас пригодится ей на тот случай, если в ее фонарике сядет батарейка.

Она вынула из кармана карту. На обратной стороне Христиан начертил схему тоннелей, ведущих в само Святилище. Зная, что пути назад нет, женщина придержала рукой тяжелую юбку монашеского облачения и зашагала вперед. Ей придется пройти не менее мили, прежде чем она достигнет врат Святилища.

От ее поспешных шагов фонарик подрагивал вверх-вниз, его узкий луч метался впереди Эрин, высвечивая входы в боковые тоннели. Она про себя считала их.

Один неверный поворот, и я буду блуждать в этом лабиринте не один день.

Страх заставил ее ускорить шаг. Она спускалась по узким лестницам и все дальше углублялась в путаницу коридоров. Крошечный флакон с кровью Христиана ударялся о ее бедро, напоминая о том, что ценой за знания всегда была кровь. Эту идею вколотили в нее еще в детстве – вколотили в буквальном смысле, когда отец нашел книгу, которую Эрин прятала под матрасом. Грубый голос отца и сейчас еще звучал в ее памяти, переноса ее в далекое прошлое.

– *Что произошло с Евой, когда она отведала плод с Древа Познания?* – *вопрошал отец, возвышаясь над девятилетней Эрин. Его сильные руки – руки фермера – были сжаты в тяжелые кулаки.*

Девочка не была уверена, следует ли ей отвечать на его вопрос, и предпочла промолчать. Он всегда сильнее злился на то, что она говорила, чем на ее молчание.

Книга – «Альманах фермера» – лежала открытой на чисто подметенном дощатом полу, свет лампы озарял ее желтоватые страницы. До того дня Эрин читала только Библию, потому что отец сказал, что там содержатся все знания, какие когда-либо понадобятся ей.

Но на страницах альманаха она обнаружила новые знания: когда сажать семена, когда собирать урожай, в какие даты Луна пребывает в той или иной фазе. Там даже было несколько шуток, которые и выдали ее падение. Она слишком громко смеялась над ними, и ее застали, когда она сидела под столом, поджав ноги, и читала альманах.

– *Что произошло с Евой?* – *продолжал вопрошать отец, и в его низком голосе прозвучала угроза.*

Эрин попыталась защититься, отвечая ему строками из Библии и стараясь держаться как можно скромнее:

– *«И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги»³.*

– *И каково было их наказание?* – *продолжал отец.*

– *«Жене сказал: умножая умножю скорбь твою...»⁴*

– *И вот урок, который ты получишь от руки моей.*

Отец заставил ее выбрать ивовый прут и приказал ей встать перед ним на колени. Повинуясь ему, Эрин опустилась на чисто вымытый матерью пол и стянула через голову платье. Мать сама сшила это платье для нее, и девочка не хотела его запачкать. Эрин акку-

³ Быт. 3:7.

⁴ Быт. 3:16.

ратно свернула его и положила на пол рядом с собой. Потом обхватила руками свои замерзшие колени и стала ждать ударов прутком.

Отец всегда заставлял ее долго ждать первого удара, как будто знал, что ожидание боли почти так же тяжело, как сама порка. Спина девочки покрылась мурашками. Уголкем глаза она смотрела на раскрытый альманах и не жалела ни о чем.

Первый удар рассек кожу на спине, и Эрин закусила губы, чтобы не кричать. За каждый крик отец добавит ей ударов. Он хлестал ее по голой спине, пока кровь не потекла по бокам, впитываясь в ткань нижнего белья. Позже ее заставят оттирать ярко-красные брызги со стен и пола. Но сначала ей придется вытерпеть порку, ожидая, пока отец решит, что она пролила достаточно крови...

Эрин передернуло от этих воспоминаний – в темных коридорах они отчего-то казались еще более ощутимыми. Даже сейчас ее спина горела, словно напоминая о давней боли и преподанном уроке.

Цена знания – всегда кровь и боль.

Еще до того, как спина зажила, Эрин пробралась в кабинет отца и втайне дочитала альманах. В одном разделе содержались предсказания погоды. В течение целого года она следила за ними, чтобы посмотреть, действительно ли авторы знали, какой будет погода в тот или иной день. Часто их прогнозы оказывались ошибочными. Так она осознала, что написанное в книгах может быть неправдой.

Даже то, о чем говорится в Библии.

Тогда, в детстве, страх наказания не остановил ее.

И он не остановит меня сейчас.

Быстрыми шагами, но стараясь ступать по каменному полу как можно тише, она наконец достигла двери в Святилище. Это был не главный вход на его территорию, а редко используемый черный ход, через который можно было попасть внутрь неподалеку от библиотеки. Больше всего это было похоже на стену с маленькой нишей, в которой стояла каменная чаша размером не больше чайной чашки или небольшой миски.

Эрин знала, что ей следует сделать.

Тайный ход можно было открыть только кровью сангвиниста.

Она сунула руку в карман и достала стеклянный флакончик, отданный ей Христианом. Внимательно рассмотрела черную кровь, переливающуюся внутри. Кровь у сангвинистов была гуще и темнее человеческой. Она могла двигаться по собственной воле, течь по венам без помощи сокращений сердца. Больше Эрин почти ничего не знала о веществе, которое поддерживало существование сангвинистов и стригоев, однако неожиданно ей захотелось узнать больше, вывести все секреты этой крови.

Но не сейчас.

Она вылила темное содержимое флакончика в каменную чашу, произнося на латыни слова:

– Ибо это есть Чаша Крови Моей, чаша Нового и вечного Завета.

Кровь закружилась в чаше, сама по себе вращаясь спиралью, словно в доказательство своей неестественной природы.

Эрин затаила дыхание. Не отвергнут ли врата кровь Христиана?

Ответ пришел – черная лужица впиталась в камень и исчезла, не оставив ни малейшего следа.

Женщина выдохнула, прошептав завершающие слова:

– *Mysterium fidei*⁵.

⁵ Тайна веры (лат.).

Она отступила на шаг от глухой стены, сердце колотилось словно бы в горле. Несомненно, любой оказавшийся поблизости сангвинист должен услышать это неистовое биение и понять, что у входа в Святилище стоит живой человек.

Камень тяжело заскрежетал по камню, и перед Эрин медленно открылся проход.

Она сделала шаг в лежащую впереди темноту, вспоминая жестокий урок отца. «Цена знания – всегда кровь и боль».

Да будет так.

Глава 2

17 марта, 16 часов 45 минут по центральноевропейскому времени

Кумы, Италия

Почему я всегда застаю где-то под землей?

Сержант Джордан Стоун полз вперед по узкому тоннелю, упираясь локтями. Камень давил на него со всех сторон, и продвигаться дальше можно было лишь одним способом – извиваясь, как червяк. Земляная крошка, потревоженная его усилиями, сыпалась ему в волосы и попадала в глаза.

По крайней мере, я куда-то двигаюсь.

Он протиснулся вперед еще на несколько дюймов.

Из тоннеля впереди его звал и подбадривал громкий голос с сильно выраженным акцентом:

– Ты почти пролез!

Должно быть, это Баако. Джордан явственно вспомнил этого высокого сангвиниста, родом откуда-то из Африки. На прошлой неделе, когда Стоун поинтересовался, из какой именно страны тот прибыл, Баако ответил неопределенно и загадочно: «Как и многие государства Африки, то, где я родился, носило немало именований прежде и, вероятнее всего, будет носить еще больше».

Это был типичный для сангвинистов ответ: исполненный пафоса и, по сути, бесполезный.

Джордан бросил взгляд вперед. Он смутно видел там тусклый свет – обещание того, что этот проклятый тоннель действительно выводит в подземную пещеру. Сержант с удвоенной силой стал пробиваться к этому свету.

Сегодня, несколькими часами раньше, Баако сползал вниз по этому недавно найденному тоннелю и вернулся с известиями о том, что шахта выводит прямоком к святилищу сивиллы. Считанные месяцы назад в этой пещере разыгралась неистовая битва – когда невинного мальчика использовали как жертвенного агнца, дабы открыть врата в ад. Попытка провалилась, а впоследствии сильное землетрясение завалило путь к этому месту.

Сержант продолжал ползти, и еще один голос, с переливчатым индийским акцентом, раздался сзади, потирая его незатейливой шуткой:

– Наверное, тебе не следовало так плотно завтракать.

Джордан оглянулся на Софию – ее тонкий силуэт смутно выделялся во мгле. В отличие от мрачного Баако эта сангвинистка, казалось, всегда готова была над чем-нибудь посмеяться, на ее губах постоянно играла легкая полуулыбка, а темные глаза искрились весельем. Обычно Джордан ценил ее склонность к юмору.

Но не сейчас.

Он потер горящие глаза, пытаясь очистить их от пыли.

– По крайней мере, я *хотя бы* завтракаю, – ответил он Софии, потом сжал зубы и продолжил путь, желая поскорее увидеть собственными глазами то, что осталось от святилища после битвы. После землетрясения власти Ватикана окружили вулканическую гору кордоном. Церковь не могла позволить кому бы то ни было увидеть оставшиеся под землей трупы – особенно тела стригоев и погибших братьев и сестер из Ордена сангвинистов.

Типичная операция «концы в воду».

И, поскольку после того, как армия направила его сюда, ватиканские власти стали его новым начальством, Джордан тоже оказался задействован в этой миссии по сокрытию улик. Но он не жаловался. Это давало ему возможность проводить с Эрин больше времени.

Однако хотя этот факт приводил Стоуна в восторг, какая-то тень, скрывающаяся в глубинах его разума, постепенно заглушала все эмоции. Не то чтобы он больше не любил Эрин. Он любил ее. Она была умна, сексуальна и привлекательна, как никто другой, но эти качества с каждым днем значили для него все меньше. Казалось, вообще все теряет для него значение.

Эрин тоже явно чувствовала это. Джордан часто видел, как она задумчиво смотрит на него, и в глазах у нее то и дело появлялась боль. Если она заговаривала об этом, он спешил развеять ее тревоги, заглушить их шуткой или улыбкой – но все это не затрагивало его сердца.

Что за чертовщина со мною творится?

Он не знал ответа, поэтому делал то, что у него всегда получалось лучше всего: шел вперед, шаг за шагом. Продолжал работать, стараясь отвлечься. В конце концов все решится само.

Или по крайней мере, я на это надеюсь.

Работая здесь, он хотя бы на некоторое время мог оставаться вдали от Эрин, пытаясь заново найти для себя нечто важное, что он, казалось, потерял. Не то чтобы у него было на это много свободного времени. За последнюю неделю они только и делали, что выносили трупы из внешних тоннелей горы, предоставляя яркому итальянскому солнцу испепелить тела стригоев и готовя мертвых сангвинистов к должному погребению. Во время службы в армии Джордану приходилось заниматься медицинской экспертизой, и эти умения сейчас ему очень пригодились.

Особенно теперь, когда был обнаружен тоннель.

Никто раньше, похоже, не бывал в этом таинственном пролазе, а судя по виду стен, ход был выкопан совсем недавно.

Этот факт ставил перед открывателями интересную загадку: был ли лаз вырыт кем-то, кто пробирался вниз, к подземному святилищу, или кем-то, кто прокапывал себе выход наружу?

Ни та, ни другая перспектива не радовала, но Джордану нужно было попасть вниз, чтобы провести расследование.

Наконец он с трудом выкарабкался из тоннеля и распростерся на неровном каменном полу. Баако помог ему встать, подняв на ноги так легко, как будто Стоун был маленьким мальчиком, а не тренированным солдатом ростом в шесть футов.

Маленькая лампа, стоящая на полу пещеры, несколько рассеивала мрак, но Джордан включил налобный фонарик на своей каске. София выбралась из тоннеля и ловким перекатом поднялась на ноги – судя по виду, она ничуть не устала.

– Выпендриваешься, – проворчал Стоун, отряхивая пыль и грязь с одежды.

Ее вечная полуулыбка стала шире. София смахнула короткие пряди черных волос со своих смуглых щек и принялась за поиски. При ее сверхъестественном остром зрении ей не нужны были ни лампа, ни фонарик, чтобы осмотреть помещение.

Джордан позавидовал этому ночному зрению. Размяв затекшую шею, он тоже взялся за осмотр, сделав глубокий вдох. В носу защекотало от запаха серы – но этот запах был не таким сильным, как в прошлый раз, когда Стоун был здесь. Тогда в пещере разразилась битва, и широкая расселина в полу извергала дым и расплавленную серу.

Но сейчас к серному запаху добавился новый.

Знакомый смрад мертвечины.

Джордан заметил трупы нескольких стригоев, валяющиеся справа от него; их тела были изломаны и обожжены, плоть потрескалась и отваливалась кусками. Это зрелище вызывало желание бежать прочь – природный инстинкт, отвращающий от лицезрения столь ужасной бойни, – но долг приказывал Джордану оставаться здесь. Чтобы собраться с духом, он напომ-

нил себе о том, чему его учили, достал видеокамеру и стал снимать помещение. Действовал без спешки, тщательно следя, чтобы каждый труп попал в кадр, – скорее по привычке, чем ради чего-то еще. Сейчас сержант Джордан Стоун действовал, как полагается действовать на месте преступления сотруднику следственного отдела экспедиционных армейских частей. Он помнил, что ни одна деталь не должна остаться незамеченной.

Джордан двинулся в глубь пещеры, снимая каменный алтарь и стараясь не вспоминать мальчика по имени Томми, который был прикован к этому алтарю, а кровь его текла наземь. Ангельская кровь мальчишки была средством для открытия врат в Преисподнюю, но в итоге отвага того же самого мальчишки помогла закрыть эти врата.

Томми оставил свою отметину и на Джордане, исцелив его касанием длани. Стоун по-прежнему ощущал эту отметину, и с каждым днем она, казалось, пылала все сильнее.

– Ну, – произнес Баако, возвращая его к настоящему, – что скажешь?

Джордан опустил камеру.

– Здесь... здесь кое-что явно изменилось с тех пор, как мы были здесь в прошлый раз.

– И что же? – спросила София, присоединяясь к ним.

Джордан указал на груды мертвых крыс в дальнем углу.

– Их тогда не было.

Баако подошел к куче, поднял один из крошечных трупиков и обнюхал. Джордан с отвращением поморщился.

– Интересно, – промолвил сангвинист.

– И что в этом интересного? – хмыкнул Джордан.

– Из них высосали кровь.

София взяла крысу, самолично изучила ее и подтвердила:

– Баако прав.

Маленькая индианка протянула трупик Джордану, но тот отверг улику.

– Поверю вам на слово. Однако если вы правы, это означает, что кто-то был здесь, внизу, и питался кровью этих крыс.

И это может означать лишь одно...

Джордан опустил руку на рукоять пистолета-пулемета, висящего в кобуре у него на боку. Это был «Хеклер и Кох MP7», компактное и мощное оружие, способное выпустить 950 пуль в минуту. Джордан всегда любил этот автомат. А сейчас магазин был вдобавок заряжен серебряными пулями. Кроме того, сержант проверил посеребренный армейский нож, пристегнутый в ножнах к лодыжке.

– Должно быть, один из стригоев выжил в сражении, – предположила София.

Баако оглянулся на тоннель.

– Наверное, он питался крысами, пока не окреп достаточно, чтобы прорыть путь наружу.

– Может быть, это был не стригой, – возразил Джордан, чувствуя, как от неожиданной догадки сердце заколотилось в самом горле. – Помогите мне осмотреть трупы.

София бросила на него непонимающий взгляд, но оба сангвиниста подчинились. Они всматривались в одно мертвое лицо за другим, пока...

– Его здесь нет, – сказал Джордан.

– Кого нет? – нахмурившись, спросил Баако.

Стоун вспомнил лицо бывшего друга, которому он некогда всецело доверял – и который в этой самой пещере предал его доверие.

– Брата Леопольда, – бросил Джордан во тьму и шагнул к тому месту, где каменный пол все еще был испачкан кровью. – Вот здесь Рун пырнул Леопольда. Здесь он упал. Но его тело исчезло.

Взмахом руки Баако обвел помещение.

– Я уже проверил всю пещеру. Землетрясение обрушило все остальные ходы.

Джордан направил луч налобного фонарика на узкий лаз.

– И он прорыл свой собственный.

Сержант закрыл глаза, мысленно видя снова, как Рун дает Леопольду предсмертное собо-
рование, как кровь Леопольда собирается в огромную лужу под телом. Как Леопольд сумел
выжить с этой смертельной раной, не говоря уж о том, чтобы найти силы на рытье хода? Эта
груда мертвых крыс не могла дать ему достаточного пропитания.

Тот же самый вопрос, должно быть, пришел в голову Софии.

– Длина этого лаза не меньше сотни футов, – произнесла она. – Я не уверена, что даже
здоровый сангвинист смог бы прокопаться сквозь такую толщу земли и камня.

Баако опустился на колени рядом с кровавым пятном на каменном полу, прикидывая
размер этого пятна.

– Много крови пролито. Этот монах должен был умереть.

Джордан кивнул – он пришел к такому же выводу.

– Это значит, что мы что-то упустили.

Он вернулся к тоннелю, осмотрел пещеру, затем начал медленно обходить комнату по
мысленно начертанной сетке, ища хоть какое-то объяснение произошедшему. Они сдвигали
трупы, проверяя землю под ними. Джордан даже встал на четвереньки и пощупал старую тре-
щину в полу возле подножия алтаря, обнаружив лишь тонкую золотую линию там, где был
запечатан разлом.

София присела на корточки рядом с ним и провела смуглой рукой по всей длине тре-
щины.

– Похоже, она надежно закрыта.

– По крайней мере, это хорошая новость.

Выпрямляясь, Джордан врезался головой в нижний край алтаря, так что его каска съехала
набок.

– Осторожней, солдат, – предупредила София, пряча улыбку.

Стоун поправил каску. При этом свет налобного фонарика выхватил из темноты за алта-
рем нечто, похожее на два осколка стекла, зеленых, словно от пивной бутылки.

«Хм-м...»

Джордан натянул тонкие резиновые перчатки и поднял один из осколков.

– Похоже на какой-то кристалл.

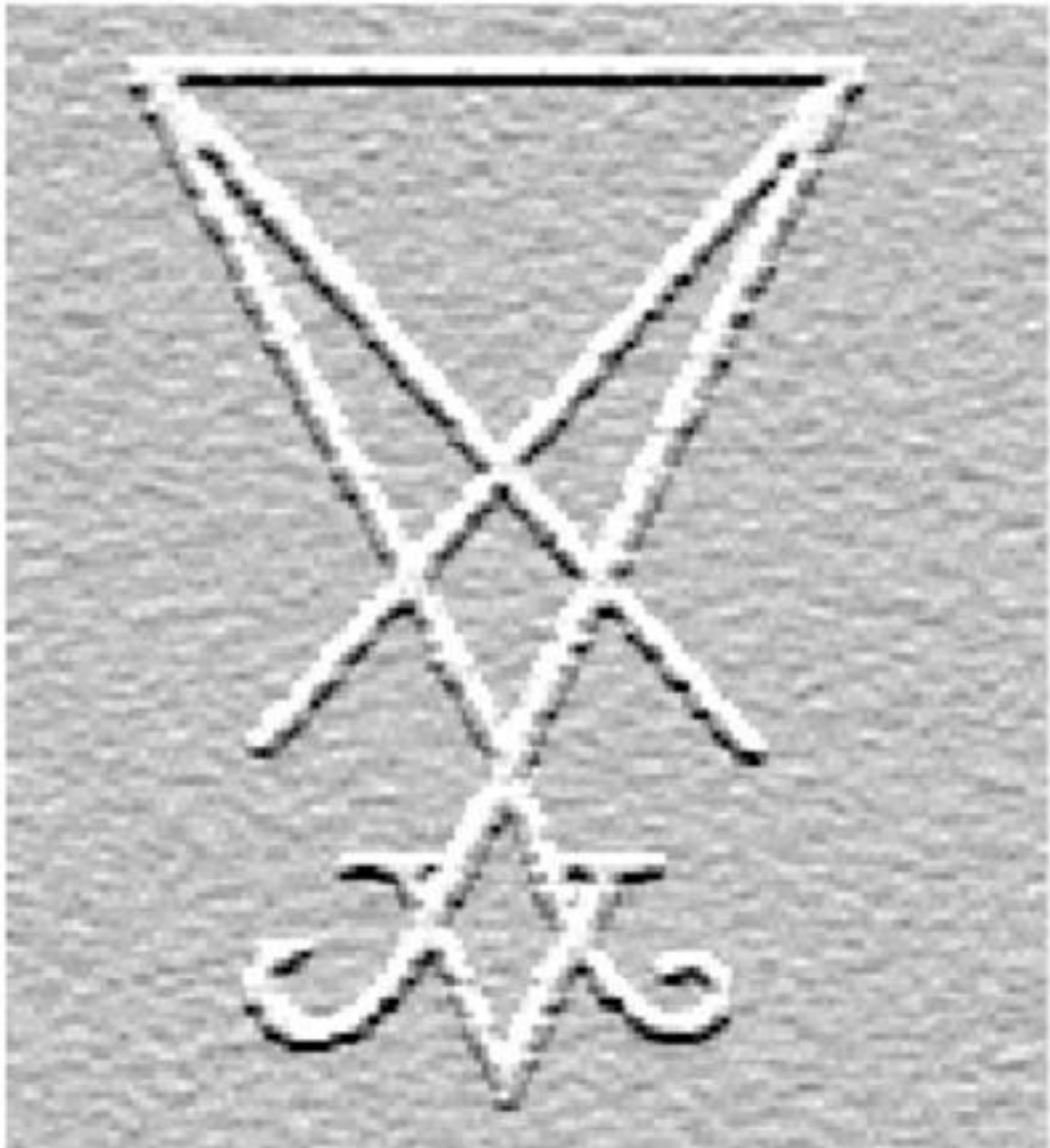
Он поднял осколок повыше. Свет фонаря и лампы отражался от изломов крошечными
радугами. Сержант изучил сколотый край, затем положил этот осколок рядом со вторым. Оба
куска выглядели так, словно некогда составляли цельный камень размером с гусиное яйцо. Но
ныне он был разбит надвое. Джордан приложил осколки друг к другу, отметив, что камень,
похоже, был выдолблен изнутри – действительно как яйцо...

Баако оглянулся через плечо.

– Ты видел это раньше? Быть может, во время боя?

– Насколько я помню, нет, но тогда произошло слишком много всего. – Джордан пере-
вернул загадочный предмет, чтобы осмотреть его с другой стороны. – Взгляните на это.

Затянутым в перчатку пальцем он указал на линии, выгравированные на поверхности
кристалла. Они образовывали символ.

Джордан оглянулся на Софию:

– Ты когда-нибудь видела что-то подобное?

– Никогда.

Баако просто пожал плечами.

– С виду чем-то похоже на кубок.

Джордан осознал, что сангвинист прав, однако скорее всего здесь был изображен не совсем кубок.

– Возможно, это потир.

София взглянула на него, скептически приподняв брови.

– Как в строках о Чаше Люцифера?

Теперь уже Стоун пожал плечами.

– По крайней мере, это следует изучить.

И я знаю кое-кого, кто будет этим весьма заинтригован.

Джордан сделал на свой мобильный телефон несколько снимков камня и символа, намереваясь переслать их Эрин, как только окажется в зоне приема.

– Мне нужно вылезти наружу и отправить это...

Громкий шорох вновь привлек их внимание к устью лаза. Из мрака на свет появилась какая-то темная фигура. Джордан едва успел заметить клыки – прежде, чем незванный пришелец бросился на него...

Глава 3

17 марта, 11 часов 05 минут по восточноевропейскому времени

Сива, Египет

Боль сожаления кольнула немое сердце Руна Корцы. Он сидел, поджав ноги, у основания высокого бархана и слушал тихий шорох песчинок, скользящих вниз по склону. Его душа наполнялась ощущением глубокого покоя от того, что он пребывал здесь, выполняя труд во имя Господа.

Но даже эта чистота была омрачена тьмой, маячившей на грани восприятия. Рун медленно повернулся в ее сторону, ведомый компасом, таившимся глубоко в его бессмертной крови. Когда он наклонился, ища источник этой тьмы, солнце сверкнуло на серебряном кресте, висящем у него на груди. Черная ткань одеяния скользнула по песку, сметая крошечные его частицы, когда Рун провел ладонью по горячей поверхности пустынной почвы. Его ищущие пальцы ощущали под этой поверхностью семя зла.

Точно ворона, которая охотится за зарывшимся в землю червем, он склонил голову набок, сосредоточив взгляд на одной точке, внешне ничем не отличимой от остального песка. Удостоверившись, что нашел нужное место, достал из своего багажа маленькую лопатку и начал копать.

Несколько недель назад Корца прибыл сюда с отрядом сангвинистов, которому было поручено исполнить эту самую миссию. Но частицы зла, погребенные здесь, грозили взять власть над остальными и полностью поглотить их. В конце концов Рун заставил свою команду покинуть место раскопок и вернуться в Рим.

Похоже, только он мог выстоять против зла, сокрытого здесь.

Но что это говорит о моей собственной душе?

Он просеивал каждую горсть горячего песка сквозь сито, словно ребенок, играющий на берегу моря. Но это был недетский труд. Сито улавливало не камешки и не ракушки. Вместо этого в нем задерживались каплеобразные осколки камня, черного, точно обсидиан.

Кровь Люцифера.

Более двух тысячелетий назад в этих песках разыгралась битва между Люцифером и архангелом Михаилом за юного Христа. Люцифер был ранен, и его кровь капала на песок. Каждая капля пылала нечестивым пламенем, плавя крошечные песчинки и образуя эти отвратительные кусочки стекла. За долгое время, прошедшее с тех пор, они оказались погребены под поверхностью пустыни, и теперь задачей Руна было вновь вынести их на свет.

Из песка показалась единственная черная капля, недвижно лежащая на дне сита. Рун взял эту каплю и несколько мгновений держал в сложенной чашечкой горсти. Она жгла его кожу, но не пыталась совратить его, как это было с другими сангвинистами. В отличие от них Руну не являлись видения, полные кровопролития и ужаса или похоти и соблазнов. Вместо этого разум его был наполнен словами молитв.

Открыв кожаный мешочек, висящий у него на боку, Рун бросил туда черный камешек. Тот ударился о два других – это было все, что удалось добыть за день. Чем дальше, тем мельче были капли, а найти их становилось все труднее. Его работа близилась к завершению.

Рун вздохнул, глядя в необъятный песчаный простор.

«Я мог бы остаться здесь... эта пустыня могла бы стать мне домом».

В лагере его ждала фляга с освященным вином. Больше ему ничего не требовалось. Бернард сообщил, что Руну следует ускорить работу, потому что он нужен в Риме. Так что ему волей-неволей пришлось поторапливаться, хотя он вовсе не желал куда-либо уезжать отсюда.

Впервые за долгие столетия Корца ощущал покой. Несколько месяцев назад он искупил свой тяжелейший грех, когда спас погубленную душу своей бывшей возлюбленной, превратив женщину из стригоя обратно в человека. Конечно, Элисабета – или Элизабет, как она предпочитала зваться теперь – не поблагодарила его за это, напротив, прокляла за то, что он возвратил ей смертность. Но ему и не нужна была ее благодарность. Он искал лишь искупление – и нашел его столетия спустя после того, как оставил всякую надежду...

Рун выпрямился, прервав поиски, и тут его слуха достигло отдаленное мяуканье. Пытаясь не обращать на это внимания, он осторожно завязал кожаный мешочек и стал упаковывать инструменты. Но звук не прекращался – жалобный, полный боли.

Просто какое-то существо, обитатель пустыни...

Корца лез вверх по склону, направляясь в лагерь, но звук преследовал его, царапал слух, разрушал чувство уединения. Он был высоким, словно крик домашней кошки. В душе Руна нарастало раздражение – но к нему примешивалась нотка любопытства.

Что случилось с этим зверем?

Он добрался до своего маленького лагеря и начал прикидывать, как свернуть палатку и убрать оборудование так, чтобы не оставить никаких следов своего пребывания здесь.

Но эти мысли не могли утишить боль, которую причинял его ушам этот крик. Это все равно что слышать царапанье сухой ветки в окно спальни. Чем сильнее пытаешься игнорировать этот скрип и вернуться в сонное забвение, тем громче он становится.

Ему оставалась в лучшем случае одна ночь наедине с пустыней. Если он не сделает что-либо с этим мяуканьем, то не сможет насладиться последними мгновениями покоя.

Корца бросил взгляд туда, откуда доносился плач, сделал один шаг в том направлении, затем другой. И, не успев еще осознать этого, Рун уже бежал по залитому солнцем песку, почти перелетая через барханы. Чем ближе он подбегал, тем громче становился звук, необъяснимым образом влекший его вперед. Какая-то часть рассудка Руна понимала, что есть нечто неестественное в этой погоне и в том, как он ею увлекся, но он все ускорял и ускорял бег.

Наконец вдаль он увидел цель. Мяуканье исходило от куста акации, отбрасывавшего длинную тень. Должно быть, пустынное дерево нашло подземный источник воды, и его крепкие корни помогали ему бороться за выживание в этой засушливой земле. Шипастый ствол клонился в одну сторону, подчиняясь неустанно дувшим ветрам.

Задолго до того, как Рун оказался вблизи дерева, его обоняния коснулся страшный запах. Даже против ветра он смог распознать этот смрад, свидетельствовавший о присутствии зверя, превращенного посредством крови стригоя в нечто чудовищное.

Бласфемаре. Беспощадный зверь.

Неужели это зов проклятой крови так неотвратимо гнал его через пустыню? Неужели это зло вызвало к его и так обостренным чувствам – чувствам, усиленным многими неделями поисков оскверненных камней среди песка? Рун замедлил шаг и извлек ножи из ножен, пристегнутых к предплечьям. Солнце сверкнуло на серебряных клинках древних *карамбитов*, изогнутых, словно когти леопарда. Ему понадобятся эти когти, чтобы сразиться с тем, что ждет его впереди. К этому мгновению Рун уже распознал запах своего противника: *анафемский лев*.

Корца обогнул дерево по широкой дуге. Он внимательно всматривался в тень, пока не заметил покрытый желтовато-коричневым мехом холм, полускрытый под навесом ветвей. В своем естественном виде львица, должно быть, была великолепна. Но даже теперь, после искажения, ее величие нельзя было не узреть. Под мехом, ставшим плотным, точно бархат, бугрились неестественно сильные мышцы. Массивная голова покоилась между лапами, и Рун мог видеть морду львицы, красивую и умную.

И все же каждое слабое биение ее сердца несло с собой неизлечимую болезнь.

Подойдя ближе, он заметил черную кровь, запекшуюся на ее плече. Казалось, что мех на ее боках был выжжен широкими полосами.

Рун догадывался, откуда здесь взялась *анафемская* львица – и откуда взялись ее раны. Он вспомнил орды искаженных зверей, сопровождавших армию Иуды во время битвы, разыгравшейся здесь прошлой зимой. Там были шакалы, гиены и небольшая стая львов. Рун полагал, что все эти звери – равно как и стригои – погибли или были рассеяны в конце того сражения, когда по окружающим пескам прошло священное ангельское пламя.

После этого был послан отряд сангвинистов, чтобы выследить выживших противников, разбежавшихся по пустыне, но, очевидно, эта тварь спаслась и от огня, и от охотников.

Даже раненная, она сумела выжить.

Тварь подняла золотисто-желтую морду и зарычала в его сторону. Ее глаза в тени горели алым – кровь стригоя, осквернившая тело львицы, лишила их истинного цвета. Но это усилие, казалось, истощило еще остававшиеся у несчастной твари силы – ее голова вновь поникла на лапы. Ей оставалось жить уже недолго.

Следует ли мне прекратить ее страдания или дожждаться ее смерти?

Рун двинулся вперед, сокращая расстояния между ними и все еще колеблясь в принятии решения. Но прежде чем он сумел сделать выбор, львица рванулась вперед из тени на ослепительный свет солнца. Ее прыжок застал его врасплох. Он сумел откатиться вбок, но острые когти рванули его левую руку.

Рун вновь развернулся лицом к твари, его кровь капала на горячий песок.

Львица угрожающе припала к земле и, встопорщив усы, зашипела. Этот звук оледенил даже бесстрастное сердце Руна. Львица была сильным противником, но она не могла долго оставаться вне тени от дерева. Она все-таки была *бласфемаре* и под прямыми солнечными лучами быстро слабела. Рун сместился так, чтобы встать между ней и древесным укрытием.

Эта угроза встревожила львицу, ее хвост задергался из стороны в сторону, описывая яростную дугу. Она напрягла задние лапы и прыгнула, метя желтыми зубами в шею Руна.

На этот раз Корца принял вызов, бросившись ей навстречу, – он уже знал, что ему делать. В последний миг отвернул в сторону и полоснул серебряным ножом по обожженному плечу львицы, а потом упал и перекатился, стараясь не выпускать ее из виду.

Из пореза хлынула кровь, густая и черная, она пузырилась, точно смола. Рана была смертельной. Рун подался назад, давая львице возможность уйти в тень и умереть там спокойно. Но вместо того она исторгла из груди странный, жуткий вой – и снова кинулась на него, предпочтя тенистому укрытию атаку при ярком свете солнца.

Рун, не ожидавший этого внезапного нападения, двигался слишком медленно. Зубы львицы сомкнулись на его левом запястье и сжались, пытаясь сокрушить его кости. Нож выпал у него из пальцев.

Пытаясь вывернуться из ее схватки, Корца ударил ножом, все еще зажатым в другой руке, и погрузил клинок в глаз львицы. Она взвыла от боли и разжала челюсти, впивавшиеся в его запястье. Рун высвободил руку, подтверже уперся ногами в песок и отпрыгнул прочь. Прижимая раненую руку к груди, он замер в ожидании новой атаки.

Но его удар был нанесен точно – львица рухнула на песок. Ее уцелевший глаз смотрел прямо на Руна. Алый блеск угас, уступив место глубокому золотисто-коричневому цвету, прежде чем этот глаз закрылся навсегда.

Перед смертью проклятие покинуло ее, как это и случалось обычно.

– *Dominus vobiscum*⁶, – прошептал Рун.

⁶ Господь да пребудет с тобой (*лат.*).

Еще один след скверны был стерт с лица этой земли. Корца повернулся было, чтобы уйти, – и тут до его слуха вновь донеслось жалобное мяуканье.

Он остановился и обернулся, склонив голову, – и услышал негромкое биение еще одного сердца. Из тени выскользнул маленький силуэт и направился к мертвой львице.

Детеныш.

Его шерсть была белоснежной и чистой.

Рун смотрел, потрясенный. Должно быть, львица была беременна и отдала остатки своих жизненных сил, чтобы произвести на свет львенка: последняя материнская жертва. Теперь Корца понимал, почему она не отступила в тень, когда у нее была такая возможность. В предсмертные свои мгновения львица сражалась с ним, чтобы защитить своего детеныша, чтобы увести врага прочь от львенка.

Малыш обнюхивал безжизненное тело матери. Ужас объял Руна. Если льенок был рожден из ее искаженного чрева, если его питала оскверненная кровь, то он, несомненно, уже появился на свет *беспощадным зверем*.

Я должен уничтожить и его тоже.

Рун поднял нож, оброненный им на песок.

Льенок тыкался носом в морду матери, пытаясь заставить ее подняться. Он жалобно мяукал, точно понимал, что остался сиротой, покинутым всеми.

Подбираясь поближе, Корца настороженно изучал звереныша. Хотя тот ростом был едва ему по колено, но даже такой мелкий *анафемский зверь* может быть опасен. Теперь, вблизи, он заметил на белой шерсти львенка светло-серые пятна, в основном испещрявшие округлый лоб. Должно быть, детеныш родился после битвы, и значит, ему не более двенадцати недель.

Если б Рун не наткнулся на этого львенка, тот умер бы мучительной смертью под солнцем или скончался бы от голода в тени.

Будет благодеянием быстро лишить его жизни.

Рука сангвиниста сжала рукоять карамбита.

Только сейчас почуяв его присутствие, льенок поднял на него взгляд, глаза его сияли на солнце. Он неловко уселся на хвост, и стало ясно, что это самец. Вскинув голову, детеныш громко мяукнул, явно чего-то требуя от Руна.

Их глаза снова встретились.

Корца понимал, чего хочет льенок, – того же, чего жаждут все детеныши: любви и заботы.

Не почувствовав ни малейшей угрозы, Рун со вздохом опустил руку и вложил нож в пристегнутые к запястью ножны. Потом шагнул ближе и опустился на одно колено.

– Иди сюда, малыш.

Корца поманил детеныша к себе и медленно протянул руку ему навстречу. Тот неуклюже шел к нему на растопыренных лапах, несоразмерно больших для его тела. Едва ладонь Руна коснулась теплой шерсти, из горла львенка послышалось мягкое урчание. Он боднул головой протянутую руку Руна и потерся жесткими усами о его холодную кожу.

Рун почесал горло детеныша, отчего мурлыканье стало громче.

Сангвинист поднял взгляд к палящему солнцу, мысленно отметив, что льенок, похоже, не обращает никакого внимания на яркий свет, не причиняющий ему ни малейшего вреда.

Странно.

Рун осторожно поднес львенка поближе к своему носу и внимательно принялся: запах молока, листьев акации и обычный мускусный запах детеныша льва.

Никаких признаков порчи, свойственной *анафемским зверям*.

Влажные глаза смотрели на него. Их радужная оболочка была карамельно-коричневой, ее обрамлял тонкий золотистый ободок.

Самые обыкновенные глаза.

Усевшись на песок, Рун задумался над этой загадкой. Львенок вскарабкался ему на колени, и он рассеянно почесывал бархатистый подбородок здоровой рукой. Мурлыча, «котенок» положил подбородок на одно колено Руна, принюхался и лизнул ткань, пропитанную кровью, которая сочилась из раненого запястья.

– Не надо, – строго сказал Корца, отпихнул голову львенка и попытался встать.

Солнечный луч отразился от серебряной фляжки, пристегнутой к ноге Руна. Львенок напрыгнул на нее, подцепил когтем кожаный ремешок, удерживавший флягу на месте, и начал жевать.

– Довольно.

Маленький лев просто играл, как все дети. Рун оттолкнул упрямое существо и поправил фляжку – и тут осознал, что со вчерашнего дня не выпил ни глотка вина. Должно быть, это из-за слабости он так размяк, глядя на это существо. Нужно подкрепиться, прежде чем принимать решение.

Я должен действовать с позиции силы, а не исходя из сантиментов.

Придя к этому выводу, Рун отстегнул флягу, открыл ее и поднес горлышко к губам. Но не успел он сделать и глотка, как львенок привстал на задние лапы и выбил фляжку у него из рук.

Серебряный сосуд упал на песок, освященное вино выплеснулось из горлышка.

Львенок наклонился и лизнул алую лужицу – он явно испытывал жажду и готов был утолить ее любой жидкостью. Рун застыл, скованный страхом. Если в жилах детеныша течет хоть капля оскверненной крови, святость вина испепелит несчастное создание на месте.

Он оттащил львенка прочь от фляги. Тот оглянулся на него, белоснежная мордочка была запачкана вином. Рун вытер капли тыльной стороной руки. Детеныш, похоже, был здоров и невредим. Корца присмотрелся повнимательнее. В течение краткого мгновения глазки львенка сияли чистым золотом – сангвинист готов был поклясться в этом. Львенок снова боднул головой колено Руна, а когда вновь поднял на него взгляд, глаза маленького существа вернулись к карамельно-коричневому цвету.

Рун протер собственные глаза, не зная, винить во всем обман зрения или фокусы египетского солнца.

И все же факт оставался фактом: детеныш без малейшего вреда для себя выходил на солнечный свет и лакал освященное вино, и это доказывало, что он вовсе не *бласфемаре*. Быть может, священный огонь пощадил львенка, ибо плод пребывал безгрешным в утробе матери. Возможно, это объясняет, почему львица выжила во время вспышки, ослабев, но сохранив достаточно сил, чтобы произвести на свет эту новую жизнь.

Если Господь пощадил это невинное существо, то как я могу покинуть его теперь?

Приняв это решение, Рун укутал львенка в свою куртку и направился обратно в лагерь. Сангвинистам было запрещено держать *беспощадных зверей*, но ни один указ не препятствовал им заводить обычных питомцев. И все же, шагая через пустыню и слыша, как мурлычет львенок, прижимаясь к его груди, Рун ясно осознавал одно.

Это существо не было *обычным*.

Глава 4

17 марта, 17 часов 16 минут по центральноевропейскому времени

Ватикан

Слова из дантовского «Ада» звучали в памяти Эрин, когда она проходила через двери сангвинистов, чтобы ступить в тайное святилище ордена: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Если верить Данте, это предупреждение было начертано над воротами, ведущими в ад.

И здесь они были бы вполне к месту.

Вестибюль, лежащий за дверью, освещался двумя рядами факелов, сделанных из связок камыша. Факелы размещались вдоль стен через равные промежутки, и хотя они сильно дымили, но давали достаточно света, чтобы озарить длинный холл, так что Эрин могла погасить свой фонарик.

Она прошла вестибюль, отметив, что стены здесь в отличие от базилики Святого Петра не были украшены изящными фресками. Святилище ордена отличалось простотой, почти аскетизмом. Помимо дыма, в воздухе пахло вином и ладаном, точно в церкви.

Холл выводил в большое полукруглое помещение, также ничем не украшенное.

Но тем не менее назвать эту комнату пустой было нельзя.

В голых стенах были вырезаны ровные, одинаковые ниши. В некоторых из них стояли фигуры, которые можно было принять за дивные мраморные изваяния: их руки были сложены в молитвенном жесте, глаза закрыты, лица либо обращены долу, либо воздеты вверх. Но эти статуи могли двигаться – на самом деле это были древние сангвинисты, глубоко погруженные в созерцание и медитацию.

Их называли Затворниками.

Ход, который они с Христианом выбрали, чтобы попасть в Святилище, открывался в святая святых ордена. Эрин решила пройти этим путем, потому что библиотека сангвинистов располагалась в том же крыле Святилища, которое было отведено Затворникам для медитаций. Это имело смысл, ведь такое хранилище знаний полезно иметь под рукой для размышлений и поисков мудрости.

Эрин ступила на порог большого зала и остановилась. Несомненно, Затворники должны были почувствовать, что поблизости открылась дверь, должны были услышать учащенное бие-ние сердца незваной гостьи, – но ни одна из фигур в нишах не шевельнулась. По крайней мере пока.

Женщина подождала еще несколько мгновений. Христиан сказал ей, что нужно дать древним сангвинистам время, дабы привыкнуть к ее присутствию и решить, что они будут делать. Если они не захотят пустить ее в обитель, то не пустят.

Эрин смотрела на сводчатый дверной проем в дальнем конце зала. Если верить карте, он был входом в библиотеку. Почти не осознавая этого, женщина двинулась в ту сторону. Она ступала медленно – не ради того, чтобы двигаться бесшумно, но единственно из уважения к тем, кто окружал ее.

Ее взгляд скользил вдоль стен, ожидая, что вот-вот чья-нибудь рука поднимется, чей-нибудь хриплый голос окликнет ее. Эрин рассеянно отметила, что некоторые из неподвижных фигур носили облачение орденов, давно уже не существующих во внешнем мире. Она рисо-

вала в воображении те древние времена, пытаюсь представить безмолвных, погруженных в размышления Затворников в облике воителей Церкви, какими они некогда были.

Ведь все они некогда были живыми созданиями, как и Рун.

Корца намеревался застыть в одной из этих ниш, он был уже готов отвлечься от внешнего мира, но именно тогда пророчество призвало его на поиски Кровавого Евангелия, и он присоединился к ней и Джордану в этой долгой миссии – дабы найти средство остановить грядущий апокалипсис. Однако временами в глазах темного священника Эрин замечала усталость от жизни в этом мире, от груза всех тех кровопролитий и ужасов, через которые Руну пришлось пройти.

Грейнджер начала понимать эту муку в его взоре. Слишком часто она сама в последнее время просыпалась от собственного крика, теснящегося комом в горле. Жуть, которую ей довелось узреть, бесконечной петлей повторялась в ее кошмарах: солдаты, разорванные на куски яростными зверями... ясные серебристые глаза женщины, которую Эрин застрелила, дабы спасти жизнь Руна... дети-стригои, умирающие в снегу... светлый мальчик, падающий на острие меча...

Слишком многим пришлось пожертвовать в этом поиске.

И он был еще не завершен.

Эрин пристально смотрела на недвижные статуи.

«Рун, воистину ли ты искал мира или же просто хотел укрыться здесь, под землей? Если бы я могла, сокрылась бы я от мира здесь, погрузившись в тишину и поиск мудрости?»

Тихонько вздохнув, она продолжила свой путь через обширный зал. Затворники словно не замечали ее присутствия – никто из них даже не шевельнулся. Наконец Эрин дошла до арки, ведущей в непроглядно темную библиотеку. Пальцы женщины коснулись было фонарика, но вместо этого она достала свечу, которую сунула в карман у входа в Святилище, зажгла фитилек от одного из ближайших факелов и переступила порог библиотеки.

Когда Эрин подняла свечу повыше, мерцающий свет озарил шестиугольное помещение, вдоль стен которого тянулись полки с книгами и стояли подставки для свитков. Здесь не было никаких сидений, не было светильников для чтения – ничего, что указывало бы на необходимость потакать человеческим нуждам. Идя через комнату при свете свечи, Эрин чувствовала себя так, словно перенеслась назад во времени. Улыбнувшись этой мысли, она сверилась с картой. Маленькая арка слева вела в другое помещение. Средневековый картограф отметил, что в той комнате хранятся самые древние тексты, собранные сангвинистами. Если и существовало некое знание о падении Люцифера и его заточении в ад, то поиски следует начинать именно оттуда.

Эрин прошла в арку и обнаружила еще одну шестиугольную комнату. Она представила себе план этой библиотеки, вообразила, как такие же комнаты примыкают одна к другой, образуя некое подобие пчелиного улья. Только сокровищем, запечатанным здесь, были не золотистые капли меда, а древние знания. Эта комната была такой же, как первая, но здесь было больше свитков, чем книг. У одной стены даже виднелась пыльная полка с медными и глиняными табличками – судя по виду, это собрание текстов было поистине древним.

Однако не вид этих табличек, созданных в невероятной глубине веков, заставил Эрин замереть.

В центре комнаты возвышалась фигура, покрытая слоем пыли, но, как и Затворники, это не была статуя. Хотя сангвинист стоял спиной к Эрин, она знала, кто это. Один раз она уже смотрела в его глаза, черные, словно маслины, и слышала его глубокий низкий голос. Тогда, в недавнем прошлом, несколько слов, сорвавшихся с этих мертвенно-бледных губ, изменили всё. Это был основатель Ордена сангвинистов, человек, который некогда считался святейшим из святых среди своих братьев, тот, кто умер и был воскрешен из мертвых рукой самого Христа.

Лазарь.

Эрин склонила голову, не зная, что еще ей делать. Она стояла так словно бы целую вечность, чувствуя, как стучит в ушах кровь.

Но Лазарь оставался недвижим.

Наконец, поняв, что он ни единым словом не возражает против ее вторжения, Эрин сделала глубокий прерывистый вдох и миновала его застывшую фигуру. Она по-прежнему не понимала, что ей следует предпринять. Она пришла сюда с некой четкой целью, и пока никто не остановит ее, она должна придерживаться задуманного плана.

Но с чего начать?

Женщина обыскала полки и подставки. Понадобились бы века, чтобы перевести и прочесть все, что здесь можно было найти. Растерянная и ошеломленная, Эрин повернулась к одинокой фигуре в центре комнаты – к тому, кого с некоторой долей вероятности можно было назвать здешним библиотекарем. Огонек свечи отражался в его открытых темных глазах.

– Лазарь, – прошептала женщина. Даже его имя прозвучало слишком громко для этого места, но она нашла в себе силы продолжить: – Я пришла, чтобы найти...

– Я знаю. – При этих словах с его губ осыпалась пыль. – Я ждал.

Он плавно воздел руку, подняв в воздух новое облачко пыли. Длинный палец указал на глиняную табличку, лежащую близ края полки. Эрин подошла и взглянула на табличку. Та была размером не больше карточной колоды, красновато-коричневого цвета. Поверхность ее покрывали строки значков.

Эрин осторожно взяла табличку и изучила ее: надпись была на арамейском, языке, который женщина хорошо знала. Она прочла первые несколько строк. В них рассказывалась знакомая история: появление змея в Эдемском саду и его разговор с Евой.

– Из Книги Бытия, – пробормотала Эрин себе под нос.

Согласно большинству толкований, этот змей был самым Люцифером, явившимся, чтобы соблазнить Еву. Но эта запись, судя по всему, гласила, что змей был просто еще одним из животных, обитавших в саду, просто более умным, чем другие.

Эрин поднесла свечу поближе к самому существенному эпитету, относящемуся к змею, и по слогам произнесла вслух на древнем языке:

– Хок-ма.

У этого слова было несколько толкований: «мудрый», «умный» или даже «хитрый» либо «коварный».

Продолжая перевод записи на табличке, Эрин обнаружила, что эта история во многом сходна с той, что описана в Библии короля Иакова. В этом изложении Ева отказалась есть плод, сказав, что Бог предупредил ее: она умрет, если послушается. Но змей возразил, что Ева не умрет, а, напротив, обретет знание – познает добро и зло.

Эрин чуть слышно вздохнула, осознав, что в этой истории змей оказался более правдивым, чем Бог. Ведь в итоге Адам и Ева не умерли, отведав плод, но, как и предсказывал змей, обрели знание.

Она отмела эту подробность как несущественную, ее куда больше заинтересовала следующая строка. Это было уже что-то совсем новое. Эрин произнесла перевод вслух, свеча трепетала в ее руке:

– «И молвил змей женщине: „Поклянись истинной клятвой, что возьмешь сей плод и разделишь его со мною“».

Эрин прочла это предложение дважды, дабы убедиться, что перевела его верно, затем стала читать дальше. В следующем стихе Ева дала обещание, что поделится плодом со змеем. Но продолжение истории было таким же, как в Библии: Ева съела плод, разделив его с Адамом, и они были прокляты и изгнаны из Рая.

В памяти Эрин эхом отдались слова отца.

Цена знания – всегда кровь и боль.

Эрин прочла всю табличку заново.

Если верить этой записи, то Ева нарушила клятву, данную змею, и не поделилась с ним плодом.

Грейнджер задумалась о смысле истории. Зачем вообще змею понадобилось заполучить это знание? Во всех прочих библейских историях животных совершенно не заботят какие-либо знания. Быть может, этот дополненный рассказ все же поддерживает версию о том, что змей в саду был замаскированным Люцифером?

Эрин встряхнула головой, пытаясь найти в этом какой-то смысл, вычленить некое значение. Она оглянулась на Лазаря, надеясь, что он ей что-нибудь подскажет.

Но тот молчал, лишь смотрел на нее.

Прежде чем Эрин успела задать ему вопрос, она услышала звук, донесшийся откуда-то из-за пределов библиотеки, – тяжелый скрежет камня.

Она бросила взгляд в ту сторону. «Должно быть, кто-то открыл ближнюю дверь, ведущую в зал Затворников».

Женщина взглянула на часы. Христиан предупреждал ее, что священники-сангвинисты ухаживают за Затворниками, принося им причастное вино. Но он не знал, в какие часы и как часто они приходят туда. Эрин рассчитывала на некоторое везение.

И оно только что закончилось.

Как только священники подойдут ближе, они услышат ее сердцебиение, и ее маскировка будет раскрыта. Эрин молилась лишь, чтобы Бернард не слишком сурово обошелся с Христианом и сестрой Маргарет.

Она положила табличку обратно на полку и повернулась, готовая принять все последствия своего вторжения в запретное место. Но тут Лазарь подался вперед и задул ее свечу. Вздвогнув, Эрин отшатнулась. Библиотека погрузилась во мрак, озаренный лишь отблесками факелов из главного зала.

Лазарь положил холодную ладонь на плечо женщины и сжал пальцы, словно упреждая ее сохранять молчание. Потом повел ее вперед, так, чтобы она могла выглянуть через дверной проем в зал Затворников.

Древние сангвинисты зашевелились. Шелестела ткань, пыль опала со старинных одеяний.

Лазарь, стоящий рядом с Эрин, вдруг запел. Это был гимн на староеврейском языке. Затворники в зале подхватили его песнь. Страх Эрин утих, унесенный прочь звучанием их голосов, вздымавшихся и опадавших в ровном ритме, словно волны, набегающие на морской берег. Вместо страха ее душу наполнило изумление.

На дальней стороне зала показалось несколько фигур. Священники-сангвинисты, одетые в черное, вошли в помещение, неся с собой сосуды с вином и серебряные чаши, и устались на Затворников, приоткрыв рты от удивления. Подобное хоровое пение явно было чем-то необычным.

Лазарь отпустил плечо Эрин, напоследок еще раз ободряюще сжав пальцы. Женщина поняла: Лазарь и остальные Затворники защищали ее. Их пение должно было заглушить стук ее сердца. Грейнджер стояла недвижно, надеясь, что эта уловка сработает.

Молодые священники приступили к своим обязанностям, поднося чаши к губам Затворников – но губы эти не касались вина, и пение не смолкало ни на миг. Сангвинисты обменивались встревоженными взглядами, в которых явно читалось замешательство. Потом попытались снова, но так же безрезультатно. Глубокие сильные голоса только зазвучали громче.

В конце концов священники сдались и ушли прочь, покинув зал. Эрин услышала, как заскрежетала, затворяясь, дверь в дальнем конце коридора – и только тогда гимн умолк.

Лазарь повел ее в освещенный факелами зал. Затворники вновь замерли в своих нишах, немые и неподвижные. Эрин и Лазарь шли к выходу. Она повернулась к своему проводнику и протестующе произнесла:

– Но я же ничего не узнала! Я не знаю даже, как найти Люцифера, не говоря уже о том, как восстановить его кандалы!

Лазарь ответил отстраненным тоном, словно беседовал не с нею, а сам с собою:

– Когда Люцифер предстанет пред тобою, сердце твое поведет тебя верным путем. Ты должна исполнить завет.

– И как же мне найти его? – спросила Эрин. – И о каком завете ты говоришь? О пророчестве из Кровавого Евангелия?

– Ты знаешь все, что можешь знать, – отозвался он, и голос его был еще более далеким. – Путь будет открыт, и ты проследишь по нему.

Эрин хотела вытрясти из него побольше ответов, даже повернулась и сделала шаг к нему. Вопросы теснились у нее в голове, но она задала вслух только один, самый важный:

– Получится ли у нас?

Лазарь закрыл глаза и ничего не ответил.

Глава 5

17 марта, 17 часов 21 минута по центральноевропейскому времени

Рим, Италия

«Я должен освободиться...»

Сознание Леопольда тонуло в море черного дыма. Будучи сангвинистом, он привык к боли – вечному жжению серебряного креста на груди, резкой боли от освященного вина, льющегося в горло, – но эта боль была ничтожной по сравнению с теперешними мучениями.

Погруженный в темный дымный колодец, он потерял себя и не чувствовал окружающего мира. Эта черная пелена отняла у него даже ощущение собственного тела.

Кто мог знать, что отсутствие боли и любых чувств вообще может стать худшей из пыток?

Но куда более страшными были те мгновения, когда тьма отступала и он обнаруживал, что снова взирает на мир собственными глазами. Слишком часто эти глаза видели ужас и кровь, но даже эти краткие просветы в бесконечной тьме были желанными. В эти мгновения Леопольд пытался вобрать в себя как можно больше жизни, прежде чем демон, захвативший его тело, вновь оттеснит его вглубь. Но, как ни старался держаться, продлить эти мгновения он не мог. И в итоге надежда оказывалась куда более жестокой, чем любые мучения.

«Лучше просто оставить все как есть, позволить пламени моей души кануть в это ничто, стать дымом, присоединившись к тем, что были до меня».

А он знал, что до него были и другие. Время от времени клубы дыма прокатывались сквозь него, неся с собой вспышки иных жизней: видение любимого лица, боль от удара кнута, смех ребенка, бегущего сквозь заросли клевера...

«И это все, чем станет моя жизнь? Ключьями, летящими по ветру?»

И когда Леопольд представил себе этот ветер, окружающая тьма разорвалась, словно ее сдуло ураганом. Он обнаружил себя в постели, а под собой – обнаженное женское тело. Алая струйка струилась по шее женщины, стекала между грудей, пятная висящий там медальон. Глаза женщины, зеленые, словно листья дуба, смотрели на Леопольда. Они были широко раскрыты от ужаса и боли и умоляли его отпустить ее.

Задохнувшись, он отвел взгляд и увидел роскошно обставленную комнату. Плотные серебристые занавеси на окнах были задернуты, чтобы не пустить внутрь солнечный свет, но он знал, что скоро можно будет открыть их. Вечное ощущение времени, внутренние часы, которыми был наделен любой сангвинист, подсказывали ему, что до заката осталось менее часа.

На холодном мраморном полу по обе стороны кровати лежали другие тела, нагие и недвижные. Леопольд насчитал девять.

«Должно быть, сидящий во мне демон был голоден».

Но не только демон был причастен к этому.

В помещении присутствовали еще полдюжины стригоев; некоторые из них были погружены в вялость и дрему, другие продолжали пировать на крови жертв. Опыняющий запах крови висел в воздухе, соблазняя Леопольда присоединиться к этой бойне. Но он чувствовал, что его желудок полон.

«Быть может, поэтому мне и удалось вырваться, пусть даже на краткий миг».

Он намеревался воспользоваться этим.

Леопольд приподнялся над телом женщины, продолжая одной рукой сжимать ее плечо. Она в ужасе съежилась, сердце ее трепетало, словно подбитая птица. Демон выпил из нее слишком много жизни. Леопольд уже не мог спасти ее – но, возможно, мог освободить, чтобы дать ей умереть в мире. Собрав все силы, он заставил разжаться один свой палец, потом второй, приказывая своей руке повиноваться.

На лбу его от усилий выступил пот, но ему удалось отпустить ее плечо. Не в состоянии заговорить, он кивнул, давая понять, что ей нужно уйти.

Дрожа, она взглянула на свое плечо, потом снова на него.

Свет свечи играл в ее зеленых глазах, напоминая Леопольду об иных вспышках изумрудного блеска. *Зеленый алмаз*. Бессильный гнев охватил его. Одна только мысль об этом камне поразила его тело онемением, сделав любую попытку пошевелиться еще более трудной.

«Я своими руками навлек на себя злой рок – и на многих других».

Ему было приказано разбить этот нечистый камень – приказано хозяином, который, как верил Леопольд, мог вернуть Христа в этот мир. Но вместо этого, разбив камень, Леопольд выпустил на свободу демона. Он помнил, как ледяная мгла истекла из разбитого алмаза и вторгалась в его тело, принося с собой чужие голоса, видения чужих жизней. Вскоре он потерялся во всем этом, оглушенный какофонией голосов – но одно имя звучало громче других.

Легион.

Это было имя той тьмы, что душила его, имя того демона, что поглотил его. С того самого мгновения Леопольд то возвращался к осознанию себя, то снова погружался во мрак.

Но сколько это длилось?

Он не мог сказать. Он лишь точно знал, что демон, похоже, призывает к себе других, намереваясь собрать армию стригоев.

С огромным усилием Леопольд поднял руку к лицу. Женщина поползла прочь, путаясь в простынях. Он не обращал на нее внимания – столь велико было его потрясение. Прежде белая рука его теперь была черной, точно чернила. Леопольд повернул голову и увидел на стене зеркало. Там отражалось его нагое тело, подобное скульптуре из черного дерева.

Леопольд закричал, но ни звука не вырвалось из его губ.

Женщина упала с кровати, потревожив одного из дремавших стригоев. Монстр зашипел, разбрызгивая кровь из пасти. Когда он вскинулся, Леопольд узрел на его голой груди, в самой середине ее, черный отпечаток ладони, подобный клейму или татуировке, – но от этой черноты несло скверной и злом, и этот запах был сильнее даже, чем смрад стригоя, помеченного зловещим знаком.

И хуже всего... эта чернота была одного цвета с новым оттенком кожи Леопольда.

Но это еще не все.

Леопольд вытянул руку, выпрямил пальцы и уставился на них, осознавая весь ужас.

«Эта отметина на груди твари того же размера и формы, что моя ладонь».

Должно быть, демон пометил этого стригоя, как принадлежащего ему, – и, вероятно, тем самым поработил его так же надежно, как Леопольда.

Стригой схватил женщину, развернул ее лицом к себе и перегрыз ей горло.

Прежде чем Леопольд успел вмешаться, тьма снова окружила его и унесла обратно в это дымное море, избавив его от лицемерия терзаемой монстром женщины. И на этот раз Леопольд не сопротивлялся, он был рад, что больше не видит ужаса, творящегося в этой комнате. Но, погружаясь в ничто, он оставил всякую надежду на избавление.

Вместо этого его наполняло новое желание.

«Я должен найти способ заплатить за свои грехи...»

Но вместе с осознанием этой цели в его гаснущем сознании возник неотвязный вопрос, который мог оказаться действительно важным: «Почему именно сейчас мне было позволено освободиться так надолго? Что могло отвлечь внимание демона?»

17 часов 25 минут

Кумы, Италия

«Черт, до чего шустрый мерзавец...»

Джордан вскинул свой пистолет-пулемет и трижды выстрелил в нападавшего, выскочившего из тоннеля. Пули ударились о каменную стену, пролетев мимо цели.

«Снова промазал...»

Судя по клямкам, это явно был стригой, но Джордан никогда прежде не видел ни одного, способного двигаться так. Только что эта тварь была здесь, а долю секунды спустя уже оказалась в другом конце комнаты, словно телепортировалась. Баако и София в буквальном смысле слова прикрывали спину Джордана. Все трое заняли круговую оборону, плечом к плечу. Баако выставил вперед длинный африканский меч, а София держала пару кривых ножей. Стригой, уже переместившийся за алтарь, шипел на них. Длинный порез тянулся через его грудь. Эту рану Баако нанес ему, когда монстр впервые кинулся на них, – тем самым сангвинист спас жизнь Джордану. Увы, это был единственный их удар, достигший цели.

– Он пытается измотать нас, прежде чем убить, – сказала София.

– Значит, пора выбрать новую стратегию.

Джордан вскинул пистолет, но, нажимая на спуск, сместил прицел вбок и выстрелил в пустоту, ожидая, что стригой снова отпрыгнет. Тот так и сделал – напрямик на линию огня.

Визг перекрыл даже грохот выстрела. Стригой отлетел назад, кровь брызнула на стену.

«Повезло, надо будет добавить себе балл на доске счета».

Стригой отпрянул прочь, двигаясь так быстро, что фигура его размывалась в неясное пятно. Джордан водил стволом из стороны в сторону, но тут, появившись словно бы ниоткуда, холодные руки схватили его, сбили с ног и отшвырнули к стене. Еще в воздухе Джордан выхватил нож из ножен, пристегнутых к лодыжке, и приготовился сражаться.

К сожалению, монстр тоже вооружился – отбрасывая Джордана, он одновременно выхватил у Баако меч. Когда они вместе оказались у стены, стригой вонзил клинок прямо в живот Джордана. Сержант рухнул на колени, хрипя от боли.

Баако и София мгновенно кинулись ему на помощь. Широко взмахнув ножом, София отсекала монстру руку с мечом. Вторым своим клинком она вспорола брюхо стригоя от паха до горла. Холодная черная кровь брызнула на лицо Джордана.

Но он смотрел вниз, на меч, все еще торчащий из его тела.

«Вы малость опоздали, ребята».

17 часов 28 минут

Рим, Италия

Боль рассеяла тьму, окружавшую Леопольда, вновь вернув его во внешний мир, в ту же залитую кровью комнату. Он схватился за живот, ожидая ощутить под пальцами вспоротую плоть и вываливающиеся внутренности. Но вместо этого нащупал лишь гладкую кожу и округлое брюшко, все еще полное крови после недавней трапезы демона.

Леопольд потерял свой обнаженный живот, по-прежнему чувствуя отголоски этой боли.

Он видел перед собой все ту же забрызганную кровью комнату, что и в прошлое пробуждение, – но на нее накладывалось призрачное видение другого помещения: темной пещеры с алтарем посередине.

«Я знаю, что это за место».

Это было святилище сивиллы, сокрытое в сердце вулкана в Кумах – то самое место, где Леопольд выпустил в мир демона по имени Легион.

«Но каким образом мне явилось это видение?»

Он как будто наблюдал за происходящим в святилище чьими-то глазами. Он видел, как когтистые руки вскинулись, хватаясь за живот, из которого текла густая черная кровь и вываливались петли кишок. Но он не просто разделял видение с тем, кто находился в пещере, – он чувствовал и его боль.

Потом тот далекий наблюдатель рухнул набок. Должно быть, это был стригой, один из огромной армии Легиона, поработенный демоном. Леопольд вспомнил черное клеймо на груди одного из стригоев, находящихся здесь, в этой комнате.

«Может ли быть так, что эта отметина служит в некотором роде физической связью? Оборвется ли эта связь, когда тварь умрет?»

Вокруг него сгустился черный дым, готовясь увлечь его прочь. Но Леопольд продолжал видеть происходящее в подземном святилище глазами умирающего стригоя – эта связь не разрывалась. Тварь обводила взглядом пещеру, словно ища какой-нибудь способ спастись.

Но вместо этого его взгляд упал на алтарь, сосредоточившись на двух половинках изумрудно-зеленого камня.

«Тебя послали забрать эти осколки оттуда?»

Где-то в глубине своей одержимой души Леопольд ощущал это стремление, исходящее от Легиона. Леопольд смутно припоминал, как прокапывал ход из святилища. Демон придал его телу невероятную силу, он тоже хотел вырваться из этой горы, освободиться из этой темницы, состоящей из вулканического камня. Будучи много столетий заточенным внутри самоцвета, демон просто не мог больше ни мгновения находиться в неволе – и в спешке забыл прихватить с собой камень.

«Но зачем этот алмаз нужен ему?»

Камень ярко сиял на алтаре, словно насмехаясь над неудачей Легиона. Но глаза стригоя уже начали стекленеть, взгляд его затуманивался, в его теле почти не осталось жизни. На миг взор его сместился в сторону, туда, откуда доносился смутный шум. Сначала умирающий стригой увидел чьи-то ноги, затем мужчину, стоящего на коленях на каменном полу, и меч, торчащий у него из живота.

Посредством связи со стригоем Леопольд заглянул в синие глаза раненого.

Узнавание пронзило его, словно молния.

«Джордан...»

При этой мысли Легион зашевелился вновь, разрывая связь со стригоем, умиравшим в той пещере. Тьма снова забурилась внутри Леопольда, и он ощутил, как внимание демона переключается на него. Леопольд чувствовал, как тот роется в его воспоминаниях, и изо всех сил попытался скрыть то, что ему было известно о Джордане и об остальных.

Но это ему не удалось.

Падая в ничто, он ощутил, как его губы шевельнулись, услышал свой собственный голос – но не Леопольд, а Легион произнес другое имя Джордана, его истинное имя.

– Воитель Человеческий...

«Святой Боже, что я натворил?!»

Леопольд ринулся прочь по единственному пути, который на несколько кратких вдохов еще был открыт для него, по рвущейся нити этой связи.

17 часов 31 минута

Кумы, Италия

Джордан, распростертый в луже собственной крови, смотрел в потолок пещеры. Баако своими сильными ладонями зажимал рану на животе Джордана, а София вытаскивала из этой раны длинный меч. Сержант едва ощутил, как окровавленное лезвие вышло из его плоти. Тело его как-то странно онемело и замерзло, отчего кровавая лужа казалась горячей.

Баако склонился над ним, ободряюще улыбаясь.

– Мы перевяжем тебя и по-быстрому доставим в Рим.

– Ты... скверный лжец, – выдавил Джордан.

Они не смогут дотащить его через этот лаз живым с такой дырой в животе. Он сомневался, сумеют ли они донести его даже до устья тоннеля.

Подумав об этом, Стоун вспомнил Эрин и словно наяву увидел ее улыбку, ее смеющиеся карие глаза. Потом пришли другие воспоминания: локон влажных белокурых волос, прилипший к ее щеке, купальный халат распахивается и падает с плеч, обнажая ее теплое тело...

«Я не хочу умирать в этой норе, так далеко от тебя».

Если уж на то пошло, он вообще не хотел умирать.

Он желал, чтобы Эрин сейчас была здесь, взяла его за руку, сказала бы, что все будет в порядке – пусть даже это не так. Он хотел в последний раз увидеть ее, сказать ей, что любит ее, убедить ее в том, что это правда. Он знал, что она боится любви, считая, что та не продлится долго, а растает и утечет прочь, точно снег весной.

«И теперь моя смерть докажет, что это действительно так».

Джордан стиснул твердое запястье Баако.

– Скажи Эрин... я всегда буду любить ее.

Баако продолжал зажимать его рану.

– Ты сам сможешь ей это сказать.

– А моя семья...

Их тоже нужно будет известить. Мать будет вне себя от горя, сестры и братья будут горевать по нему, а племянники и племянницы через несколько лет почти позабудут о нем.

«Надо было почаще звонить маме».

То ослабление эмоций, которое он ощущал в последнее время, распространялось не только на Эрин, но и на родных тоже. Он чувствовал себя отрешенным от них всех.

Джордан стиснул зубы, не желая умирать вот так глупо, ни за что, даже не ради общего блага. Но растекающаяся лужа крови свидетельствовала о том, что его раненому телу нет дела до его будущих планов – жениться, обзавестись детьми, постареть и сидеть в кресле-качалке на веранде, наблюдая, как растет пшеница в поле.

Он повернул голову – София в этот момент как раз проверяла, жив ли еще напавший на них стригой.

«По крайней мере, я выгляжу не так хреново, как этот чувак».

Стригой еще не умер, но этого оставалось ждать недолго. Странно, но глаза твари смотрели прямо на Джордана. Потом бескровные губы шевельнулись, словно в попытке что-то сказать.

София склонилась ниже, изогнув одну бровь.

– Что это?

Стригой с хрипом втянул в себя воздух и с хорошо знакомым Джордану акцентом выдавил:

– Джордан, *mein Freund*⁷... прости.

София отдернула руку от тела твари. Джордан тоже был потрясен.

«Леопольд!»

Но каким образом?

Стригой содрогнулся и замер недвижно.

София выпрямилась и покачала головой. Тварь была мертва, и никаких объяснений от нее получить уже не удастся. Джордан пытался понять произошедшее, но мир вокруг выцветал по мере того, как кровь уносила из его тела остатки жизни. Он чувствовал, как падает куда-то, как комната с алтарем отдаляется, но он погружался не во тьму, а в невероятное сияние. Джордану хотелось закрыться от него рукой, но оно разгоралось все ярче, обжигая его. Он зажмурился, но это не помогло.

Подобный свет уже обжигал его ранее – в юности, когда в него ударила молния. Джордан пережил этот удар, но молния оставила на его теле свою метку – сложный ветвистый шрам на плече и верхней части груди. Такие странные извилистые узоры именовались «фигурами Лихтенберга», а иногда «грозовыми цветами».

Теперь вдоль этих шрамов бежали линии жидкого огня, заполняя их – и продолжая течь дальше. Горячие волоски тянулись все дальше, прорастали в живот и взрывались там жгучей болью. Огонь ворочался в чреве Джордана, словно живое существо.

Вот так на самом деле ощущается смерть?

Но он не чувствовал, что слабеет. Напротив, у него неожиданно стало прибывать сил.

Стоун сделал глубокий вдох, потом другой.

Комната постепенно снова проявилась перед его взором. Казалось, все осталось, как и было. Он по-прежнему лежал в луже своей стынущей крови, а Баако продолжал зажимать ладонями его рану.

Джордан встретился взглядом с полными тревоги глазами африканца и нажимом пальцев дал понять, чтобы тот убрал руки.

– Кажется, я в порядке.

Более чем в порядке.

Баако сместил ладони и посмотрел на то место, где меч вонзился в тело Джордана. Потом взмахом жестких пальцев стер с кожи сержанта кровь – и с губ сангвиниста сорвался удивленный свист.

София подошла к ним.

– В чем дело?

Баако оглянулся на нее.

– Кровотечение прекратилось. И могу поклясться, что рана закрывается.

София тоже осмотрела Джордана, но на ее лице вместо облегчения появилась тревога.

– Ты должен был умереть, – без обиняков сказала она, указав на разлитую по полу кровь. – Ты получил смертельную рану. Я немало навидалась их за века своей жизни.

Джордан оперся руками о пол и сел.

– Мне и раньше доводилось считаться мертвым. А один раз я действительно умирал... Нет, два раза. Но кто будет за этим следить?

Баако выдохнул.

– Ты исцелился, точно как говорилось в книге.

София процитировала Кровавое Евангелие:

– *Воитель же Человеческий так же нерасторжимо связан с ангелами, коим обязан своей бренной жизнью.*

Баако похлопал Стоуна по плечу:

⁷ Мой друг (нем.).

– Похоже, эти ангелы по-прежнему присматривают за тобой.

«Или они все еще никак от меня не отстанут».

София снова оглянулась на мертвого стригоя:

– Он знал твоё имя.

Джордан, благодарный за то, что она сменила тему, вспомнил последние слова, произнесенные этими мертвыми губами: «Джордан, *mein Freund*... прости».

– Этот голос... – сказал сержант. – Честное слово, это был голос брата Леопольда.

– Если ты прав, – промолвила София, – то это чудо может подождать. Мы должны доставить тебя к медикам в наш лагерь.

Джордан расстегнул свою рубашку. От раны уже остался лишь клейкий шрам. Стоун был уверен, что через несколько часов исчезнет и эта отметина. И все же он помнил, как меч пронзил его, и это воспоминание заставило его задаться новым вопросом:

– Кто-нибудь из вас когда-либо видел, чтобы стригой двигался так быстро?

Баако посмотрел на Софию, словно считая, что ее опыт больше, чем у него.

– Никогда, – ответила женщина.

– Он был не просто быстрым, – дополнил Баако, – но и сильным тоже.

София подошла к мертвой твари, перекатила ее на спину и стала сдирать одежду убитого монстра. Туловище его украшали три пулевых отверстия. Джордан очень удивился тому, что вообще попал в стригоя. Когда София сняла с мертвого тела рубашку, сержант изумленно выдохнул.

На бледной груди стригоя был выжжен черный отпечаток ладони. Джордан видел подобный и раньше – на шее Батории Дарабонт. Та отметина связывала ее с ее бывшим хозяином, клеймила Дарабонт как его собственность.

И наличие такого же клейма на теле этого стригоя могло означать только одно.

– Кто-то послал эту тварь сюда, под землю.

17 часов 28 минут

Рим, Италия

Имя мне Легион...

Он стоял перед зеркалом с серебряной подложкой, рассматривая себя, полностью вернувшегося в свой плотский «сосуд», – ему нужно было сосредоточиться после частичного пребывания в той мрачной пещере. Зеркало отражало ничем не примечательное тело: слабые конечности, впалая грудь, мягкий живот. Но его присутствие украсило эту плоть, сделав кожу черной, как межзвездный мрак. Глаза, смотревшие из зеркала, были темны, словно мертвые солнца.

Он позволил этим глазам закрыться и стал рассматривать тени, составлявшие его подлинную суть. Шестьсот шестьдесят шесть духов. Он пророс в их сознание невидимыми корнями, читая то, что осталось от их памяти, и ища ответы. Он улавливал вспышки общей боли из прошлого, память о стеклянной тюрьме и о белобородом человеке, с отвращением глядящим снаружи через стекло.

Но эта боль способствовала его рождению.

Меня много... я множество... имя мне Легион.

Внутри этих завихрений тьмы, составлявших его сущность, мерцал единственный огонек, подрагивая среди бесконечных теней. Демон подплыл ближе к этому огоньку, всматриваясь в дым, который поднимался от него по мере того, как питающий его дух медленно слабел.

Он знал имя этого огня, этого сосуда, которым он завладел.

Леопольд.

Именно читая по дыму, исходящему от этого гаснущего пламени, Легион многое узнал о современном мире. Он рылся в этих воспоминаниях, в этом опыте, дабы подготовиться к грядущей войне. Он создал армию, порабощая других одним лишь касанием длани. Он позволял силе своей тьмы течь сквозь них. И с каждым таким касанием число его глаз и ушей в этом мире множилось, позволяя его сознанию все шире распространяться по земле.

У него была одна цель.

Он представил себе существо, полное безмерной и темной ангельской силы, восседающее на черном троне.

Столетия назад шестьсот шестьдесят шесть духов были сплетены этим темным ангелом воедино, затворив Легиона внутри зеленого самоцвета. Его оставили там как предвестника грядущего, как темное семя, ждущее свое время, чтобы прорасти в новом мире и распространиться по нему.

Когда он наконец был освобожден из алмаза, то вошел в существо, которое и разбило камень. *Леопольд.* Легион глубоко укоренился в этом новом сосуде, пророс сквозь Леопольда, завладел его телом и душой, и двое сделались одним. Этот сосуд станет цветочным горшком, из которого он прорастет в этот мир, раскинув свои отростки вширь и вдаль, захватывая других, клеймя их, порабощая их. И хотя пребывание его в этом мире зависело от существования Леопольда, он мог путешествовать по этим отросткам и управлять ими с огромного расстояния.

Его долгом было открыть путь для возвращения его господина, подготовить этот мир к очищению, когда паразит, именуемый «человечеством», будет выдворен из этого земного сада. Темный ангел обещал Легиону этот рай, но прежде чем заполучить эту награду, он должен выполнить то, что ему поручено.

И теперь демон знал, какие силы будут противостоять ему.

Это он тоже узнал от мерцающего внутри его пламени.

Легион не до конца понимал эту угрозу, но осознавал, что его «сосуд» борется, дабы сохранить некие обрывки сведений сокрытыми от него. Несколько мгновений назад он ощутил, как пламя духа Леопольда вспыхнуло ярче от потрясения, и этот мерцающий свет во тьме привлек внимание Легиона. В этом дыму он прочел имя и увидел лицо того, кто носил его.

Воитель Человеческий.

Но там было не только это имя. Из воспоминаний, ставших дымом, явились и другие.

Рыцарь Христов.

Женищина Знания.

В дыму звучал тихий отголосок пророчества вместе с образом книги, написанной самим Сыном Божьим. И Легион всматривался в пламя, пытаясь узнать больше.

Кто еще стоит у меня на пути?

Глава 6

17 марта, 08 часов 32 минуты по тихоокеанскому стандартному времени

Санта-Барбара, Калифорния

«К слову, о тщетных усилиях...»

Стиснув зубы, Томми преодолел еще пару дюймов вверх по узловатому канату, свисавшему с потолка гимнастического зала. Внизу одноклассники выкрикивали то ли оскорбления, то ли слова поощрения. Томми не мог разобрать, что именно, – ему мешало биение крови в ушах и собственное хриплое дыхание.

«Не то чтобы это имело хоть какое-то значение».

Он всегда ненавидел физкультуру, даже до того, как у него диагностировали рак. Не особо быстрый, довольно неуклюжий, Томми обычно занимал последние места в большинстве спортивных состязаний. Также он быстро усвоил, что предпочтет держаться подальше от мяча, чем бегать за ним.

«Ну и какой в этом смысл?»

Единственный вид упражнений действительно занимал его – лазанье. Томми показывал хорошие результаты в этом, ему нравилась простота задачи. Только он и канат. Когда он лез вверх, его тревоги и страхи оставались позади.

Или по крайней мере большинство из них.

Он сжал канат коленями и подтянулся повыше. По спине мальчика тек пот. В Санта-Барбаре всегда было тепло и почти всегда солнечно. Томми это нравилось. Проведя некоторое время в России, а потом на борту арктического ледокола, он не хотел больше возвращаться в этот холод.

«Конечно, после того как тебя заморозили, превратив в ледяную статую ангела, любой будет ценить солнце Южной Калифорнии».

Он поднял взгляд к этому солнцу, которое сейчас светило сквозь ряд окон, тянувшихся по верху гимнастического зала.

«Почти на месте...»

Еще два ярда, и он сможет коснуться проволочных сеток, которые защищали свисающие с потолка лампы. Прикосновение к пыльной проволоке было почетным достижением среди учеников девятого класса, и Томми намеревался добиться этого.

Он помедлил несколько мгновений, собирая силы для последнего рывка вверх. В последнее время мальчик часто стал выбиваться из сил. Это тревожило. Полгода назад он ощутил на себе прикосновение ангела... в буквальном смысле. Ангельская кровь струилась в его жилах, исцелив его от рака, придав ему сил, даже сделав его временно бессмертным. Но теперь она ушла, обратившись в пламя среди песков Египта.

Томми снова стал самым обыкновенным мальчиком.

«Я намерен таковым и остаться».

Он повисел немного, глядя вверх и стараясь выровнять дыхание.

«Я справлюсь с этим».

Снизу до него донесся резкий голос:

– Хватит уже! Спускайся обратно!

Должно быть, это Мартин Альтман, единственный, с кем подружился Томми в новой школе. Старых друзей он потерял, когда переехал к дяде с тетей. Это единственные родственники, которые остались у Томми после смерти родителей.

Он отбросил эту мысль вместе с мрачными воспоминаниями, которые грозили захлестнуть его. Глянув вниз, Томми увидел, что Мартин смотрит на него. Альтман был высоким и тощим, с длинными руками и ногами, он всегда готов был отпустить какую-нибудь замшелую шутку и сам же над нею охотно смеялся.

Ну конечно, ведь родители Мартина не умерли у него на руках.

Томми ощутил вспышку злости на друга, но он понимал, что это чувство происходит от банальной зависти, и потому попытался унять его. Потные ладони заскользили по канату, и Томми сжал руки крепче.

«Возможно, Мартин прав».

Приступ головокружения еще больше убедил его в этом. Томми начал спускаться, но голова кружилась все сильнее. Он старался держаться и ускорил спуск – теперь просто скользил по канату, обжигая ладони.

«Что бы ни было, не отпускай...»

Но он уже падал. Он смотрел на солнечные лучи, пробивающиеся сквозь окна под потолком, и вспоминал о том, как в прошлый раз летел, рассекая воздух. Но тогда он был бессмертен.

«Сегодня не столь удачный день».

Он рухнул на груды матов у нижнего конца каната. Удар выбил воздух из его груди. Томми задышался, пытаясь втянуть воздух в легкие, но они отказывались повиноваться.

– Быстрей! – закричал мистер Лессинг, учитель физкультуры.

Все посерело – а потом Томми обнаружил, что снова дышит. Он хватал воздух большими глотками, втягивая его, словно выброшенный на берег дельфин.

Одноклассники смотрели на него сверху вниз. Некоторые смеялись, другие выглядели встревоженными, особенно Мартин.

Мистер Лессинг растолкал их и подошел к Томми.

– Ты в порядке, – полувопросительно-полуутвердительно заявил он. – Просто лишился дыхания от удара.

Томми попытался дышать ровнее. Ему хотелось провалиться сквозь пол. Особенно когда он заметил в толпе Лизу Баллантайн. Она нравилась ему, а теперь он свалил у нее на глазах такого дурака.

Томми попытался сесть, чувствуя, как боль пронзает ушибленную спину.

– Помедленней, – посоветовал мистер Лессинг, помогая ему подняться на ноги, отчего лицо Томми вспыхнуло еще жарче.

Но зал по-прежнему кренился из стороны в сторону, и мальчик схватился за руку физрука. Сегодня явно не самый удачный день в его жизни.

Мартин указал на левую руку Томми:

– Это у тебя ожог от каната?

Томми опустил взгляд. Его ладони были красными и горели, но Мартин указывал на темную отметину с внутренней стороны запястья.

– Позволь, я посмотрю, – сказал мистер Лессинг.

Томми высвободился и сделал неловкий шаг назад, прикрывая пятно другой рукой.

– Просто ожог от того, что я съехал по канату, Мартин все правильно сказал.

– Хорошо. Все свободны, – скомандовал мистер Лессинг. – Примите душ; даю вам на это вдвое больше времени, чем обычно.

Томми поспешил прочь. Голова у него все еще кружилась, но не от падения. Он старался тщательно скрыть пятно на коже: ему не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал об этом, особенно

дядя и тетя. Он будет скрывать это так долго, как сможет. И хотя он не понимал, что происходит, одно он знал точно.

«На этот раз – никакой химиотерапии».

Томми потер отметину на запястье пальцем, словно пытаясь избавиться от нее, но он знал, что чудеса для него закончились.

Рак действительно вернулся к нему.

Душу мальчика наполняли страх и отчаяние. Ему хотелось бы поговорить с отцом или матерью, но это было невозможно. И все же была в этом мире та, кому он мог позвонить, кому мог доверить свою тайну.

Другая бессмертная, которая, подобно ему, лишилась своего бессмертия.

«Она сообразит, что делать».

18 часов 25 минут по центральноевропейскому времени

Венеция, Италия

Стоя посреди монастырского садика, Элизабет Батори поправила свою широкополую соломенную шляпу так, чтобы она прикрывала лицо, затеняя глаза от клонящегося к закату весеннего солнца. Для защиты от загара она всегда носила шляпу, работая на открытом воздухе, – даже в этом крошечном травяном огороде за высокими стенами монастыря, ставшего ее тюрьмой.

Много веков назад ее учили, что носители королевской крови никогда не должны позволять своей коже стать темной, как у крестьян, работающих на полях. В те времена у нее в Чахтицком замке были свои собственные сады, где она выращивала лекарственные травы, обучаясь искусству исцеления и добывая зелья из цветочных лепестков или тайных корней. Даже тогда, беря с собой корзину и садовые ножницы, Элизабет – тогда еще Элисабета – не выходила под солнце с непокрытой головой.

Хотя по сравнению с садами, некогда принадлежавшими ей, этот травяной огородек был ничтожно мал, Элизабет нравилось проводить время среди монастырских грядок с ароматными растениями: тимьяном, луком-резанцом, базиликом и петрушкой. Она проводила послеполуденные часы, выпалывая старые, деревянистые побеги розмарина, чтобы засадить очищенную землю лавандой и мятой. Их уютные запахи плыли, смешиваясь, в теплом воздухе.

Если закрыть глаза, можно представить, что она сидит летним днем в саду своего замка и скоро из-под каменных сводов к ней выбегут ее дети. Она отдаст им пучки собранных трав и вместе с ними пойдет гулять по дорожкам, слушая рассказы о том, как дети провели день.

Но все это было четыре столетия назад.

Ее дети мертвы, ее замок лежит в руинах, и даже само ее имя произносят шепотом, точно проклятие. И все потому, что она стала нежитью, стригоем.

Ей вспомнилось лицо Руна Корцы, тяжесть его тела поверх ее, вкус собственной крови на ее губах. В тот миг слабости и вожделения ее жизнь необратимо изменилась. После первого потрясения от превращения в стригоя графиня пришла к принятию этого существования, омраченного гибелью души, научилась ценить все, что оно предлагало. Но даже это было отнято у нее прошедшей зимой – похищено той же рукой, которая дала все это.

Ныне она снова стала просто человеком.

Слабая, смертная и запертая в четырех стенах.

Будь ты проклят, Рун.

Элизабет наклонилась, сердито срезала побег розмарина и швырнула на вымощенную плитами дорожку. Мария, престарелая монахиня, работавшая в саду вместе с Элизабет, под-

метала дорожку позади нее самодельной метлой. Марии было под восемьдесят лет, лицо ее сморщилось и иссохло от старости, голубые глаза были подернуты мутной пленкой. Она относилась к Элизабет с добродушной снисходительностью, словно ожидала, что та перерастет свое несносное поведение. Если бы монахиня знала, что Элизабет прожила на свете больше лет, чем может надеяться прожить эта старуха!..

Но Мария ничего не знала о прошлом Элизабет, не знала даже ее полного имени.

Никому в монастыре не было позволено узнать это.

Ломота в колене заставила Элизабет перенести вес на другое, и она знала, чем вызвана эта боль.

Возраст.

«Я сменила одно проклятие на другое».

Краешком глаза она заметила Берндта Нидермана, идущего через двор к трапезной на ужин. Элегантный немец проживал в одной из гостевых комнат монастыря. Он был одет в костюм, считающийся в эту эпоху парадным: отглаженные брюки и синий пиджак хорошего кроя. Берндт поднял руку, приветствуя Элизабет.

Она проигнорировала его жест.

«Мы еще не настолько коротко знакомы».

По крайней мере пока.

Вместо этого она распрямила затекшую спину, глядя куда угодно, но не на Берндта. Этот монастырь в Венеции был не лишен своеобразного очарования. В прошлом это было огромное здание с великолепным парадным входом, смотрящим на широкий канал. Высокие колонны обрамляли прочную дубовую дверь, ведущую к причалу. Элизабет провела немало часов, глядя из окна своей комнаты на канал, по водам которого сновали большие и малые лодки. В Венеции не было ни машин, ни коней – только суда и пешеходы. Это был забавный анахронизм, со времен памятного графине прошлого город во многом остался неизменным.

За последнюю неделю она несколько раз беседовала с немецким гостем. Берндт был писателем и приехал в Венецию, чтобы собрать материал для книги. Судя по всему, этот сбор ограничивался прогулками по каменным улицам, поглощением изысканных блюд и дорогого вина. Если бы Элизабет было позволено хоть раз составить ему компанию, она показала бы ему куда больше, поведала бы ему историю этого стоящего на воде города... но этому не суждено было произойти.

Она всегда оставалась под пристальным надзором сестры Эбигейл, сангвинистки, которая ясно дала понять, что Элизабет не должна делать и шага за пределы территории монастыря. Чтобы сохранить себе жизнь – ныне брентную и хрупкую, – графине следовало оставаться пленницей в этих высоких древних стенах.

Кардинал Бернгард был непреклонен в этом решении. Элизабет заточили здесь во искупление ее прошлых грехов.

И все же этот немец мог оказаться полезен. Ради этого она прочла его книги и теперь иногда обсуждала их с автором за бокалом вина и при случае отпускала сдержанную похвалу. Но даже эти короткие беседы проходили не наедине. Элизабет было позволено разговаривать с гостями только под строгим присмотром обычно со стороны Марии или Эбигейл. Седовласая сангвинистка была неумолима, точно взмах боевой секиры.

И все же Элизабет находила прорехи в их надсмотре, особенно в последнее время. По мере того как уходили месяцы ее заточения, бдительность тюремщиков ослабевала.

Две ночи назад она сумела проскользнуть в комнату Берндта в тот момент, когда его там не было. Среди его личных вещей нашелся ключ от взятой напрокат лодки. Элизабет поспешно спрятала ключ, надеясь, что немец решит, будто сам куда-то задевал его.

До сих пор он так и не поднял тревогу.

Хорошо.

Элизабет вытерла носовым платком пот со лба, и в этот момент в другом конце двора появился мальчик в синей кепке посыльного. Мальчишка передвигался такой же расхлябанной походкой, какую графиня замечала у Томми: как будто современные дети не управляли своими конечностями, позволяя им беспорядочно болтаться во время ходьбы. Ее давно умерший сын Пал, даже будучи в куда более юном возрасте, ни за что не позволил бы себе двигаться так... безвкусно.

Мария поспешила навстречу посыльному, в то время как Элизабет напрягла слух, пытаясь подслушать их разговор. Теперь она знала итальянский язык достаточно неплохо, ведь, помимо работы в саду и учения, ей совершенно нечего было делать.

Иногда она засиживалась за учебниками далеко за полночь. Полученные ею знания были оружием, которые она в один прекрасный день сможет обратить против своих тюремщиков.

На руку ей опустилась пчела, и Элизабет поднесла ее к лицу.

– Будьте осторожны, – предупредил раздавшийся позади нее голос.

Графиня вздрогнула. Такого никогда не случилось бы, будь она по-прежнему стригоем. Тогда она могла расслышать сердцебиение с огромного расстояния.

Обернувшись, Элизабет увидела стоящего позади нее Берндта. Должно быть, он обошел двор по кругу, чтобы вот так незаметно подойти к ней. Мужчина стоял так близко, что Элизабет различала терпкий запах его бальзама после бритья.

Она опустила взгляд на пчелу, сидящую на ее руке.

– Мне следует бояться этого маленького существа?

– У многих людей аллергия на пчел, – объяснил Берндт. – Если она, например, ужалит меня, я от этого даже могу умереть.

Элизабет подняла брови. Современные люди так слабы... Никто не умирал от укуса пчелы в ее времена. Или, быть может, многие и умирали от этого, только никто не знал...

– Мы не можем допустить, чтобы это случилось.

Она отвела руку подальше от Берндта и сдула пчелу, отправив ее в полет.

В этот момент из тени монастырской стены выступила темная фигура и направилась к ним.

Сестра Эбигейл, кто бы сомневался.

С виду сангвинистка казалась обычной пожилой и безобидной английской монахиней – тонкие слабые руки, выцветшие с возрастом синие глаза. На ходу она заправляла под апостольник прядь седых волос, выбившихся из-под покрывала.

– Добрый вечер, герр Нидерман, – поприветствовала его Эбигейл. – Ужин скоро будет подан. Если вы направляетесь в трапезную, я уверена...

Берндт перебил ее:

– Возможно, Элизабет будет не против составить мне компанию.

Жесткие пальцы Эбигейл сдавили руку Элизабет с такой силой, что назавтра наверняка должен будет остаться синяк. Графиня не сопротивлялась. При должных обстоятельствах эти синяки могут вызвать сострадание Берндта.

– Боюсь, Элизабет не может пойти с вами, – возразила Эбигейл раздраженным тоном, не допуская возражений.

– Конечно же, могу, сестра, – отозвалась Элизабет. – Я ведь не узница, верно?

Квадратное лицо Эбигейл пошло красными пятнами.

– Значит, решено, – подхватил Берндт. – И возможно, после ужина мы сможем совершить небольшую прогулку на лодке?

Элизабет заставила себя никак не отреагировать на эти слова, боясь, что Эбигейл услышит ее учащенное сердцебиение. «Заметит ли он пропажу ключа?»

– Элизабет недавно болела, – промолвила Эбигейл, явно подыскивая объяснение тому, что ее подопечная не должна покидать стен монастыря. – Ей не следует перетруждаться.

– Возможно, от морского воздуха мне станет лучше, – с улыбкой предположила Элизабет.

– Я не могу этого позволить, – возразила Эбигейл. – Ваш... ваш отец будет сильно рассержен. Вы ведь не хотите, чтобы я сообщила Бернарду, не так ли?

Элизабет прекратила дразнить монахиню, хотя эта игра забавляла ее. Она уж точно не хотела подобным образом привлекать к себе внимание кардинала Бернарда.

– Очень жаль, – вздохнул Берндт. – Особенно если учесть, что завтра я должен буду уехать...

Элизабет пристально посмотрела на него.

– Я думала, вы останетесь еще на неделю.

Он улыбнулся ее беспокойству, явно приняв его за приязнь.

– Увы, дела призывают меня обратно во Франкфурт раньше, чем я ожидал.

Это было неприятной неожиданностью. Если Элизабет намеревалась воспользоваться его лодкой для побега, это следовало сделать сегодня ночью. Она быстро соображала, понимая, что это ее наилучший шанс – не только на освобождение, но и на куда большее.

Ее планы были куда грандиознее, чем просто обрести свободу.

Хотя теперь Элизабет вновь могла разгуливать под солнцем, она потеряла куда больше. Будучи смертной, графиня уже не могла слышать самые тихие звуки, улавливать слабейшие запахи или видеть мерцающие краски ночи. Ее как будто завернули в плотное покрывало.

Она ненавидела это состояние.

Она желала вернуть себе чувства стригоя, ощутить, как в теле вновь играет эта невероятная сила, но больше всего она хотела быть бессмертной – вырваться не только из стен этого монастыря, но и из неуклонного течения лет.

«Я не допущу, чтобы что-либо остановило меня».

Прежде чем она успела пошевелиться, сотовый телефон, спрятанный в кармане ее юбки, завибрировал.

Только один человек знал этот номер.

«Томми».

Элизабет отошла на шаг от немца.

– Благодарю вас, Берндт, но сестра Эбигейл права. – Она сделала короткий реверанс, слишком поздно осознав, что сейчас уже не приняты подобные манеры. – Кажется, работа в саду слишком утомила меня. Наверное, мне все-таки следует поужинать в своей комнате.

Губы Эбигейл сложились в жесткую прямую линию.

– Думаю, это мудрое решение.

– Жаль, – разочарованным тоном произнес Берндт.

Эбигейл взяла Элизабет за локоть и повела в комнату, еще крепче, чем прежде, сжимая пальцы. Когда они вошли в тесную келью, монахиня приказным тоном заявила:

– Оставайтесь здесь. Я принесу вам ужин.

Эбигейл вышла, заперев за собой дверь. Элизабет подождала, пока ее шаги затихнут, потом подошла к зарешеченному окну. Только сейчас, оставшись в одиночестве, она достала телефон и перезвонила. Едва в трубке раздался голос Томми, графиня поняла, что что-то случилось. Мальчик явно с трудом сдерживал слезы.

– Я снова заболел раком, – сообщил он. – Я не знаю, что делать и кому сказать.

Элизабет сильнее сжала телефон, как будто могла дотянуться сквозь эфирные волны до этого мальчика, которого полюбила, как собственного сына.

– Объясни, что произошло.

Она знала историю Томми, знала, что он был болен до того, как вмешательство ангельской крови исцелило его, даровав ему бессмертие. Ныне он был простым смертным, как она сама, – и уязвимым, как в прежние времена. Хотя она и раньше слышала от него термин «рак»,

но никогда не понимала истинной природы его болезни. Желая проникнуть в суть новости, Элизабет уточнила:

– Расскажи мне, что такое рак.

– Это болезнь, которая ест тебя изнутри. – Его голос звучал тихо, подавленно и потерянно. – Она гнездится в моей коже и костях.

Сердце Элизабет болело от тревоги за мальчика. Она хотела успокоить его, как часто успокаивала сына.

– Но в ваше время доктора, конечно же, смогут вылечить тебя от этой болезни.

Последовала долгая пауза, потом усталый вздох.

– Мой рак они вылечить не могут. Я долго лежал на химиотерапии, меня все время тошнило, у меня выпали все волосы. Даже кости у меня болели. Но врачи так и не смогли остановить болезнь.

Элизабет прислонилась к холодной оштукатуренной стене, глядя в темные воды канала под окном.

– А ты не можешь снова попробовать лечиться этой химиотерапией?

– Я не буду. – Теперь голос его звучал твердо, как у взрослого. – Я должен был умереть еще тогда. Думаю, этому и следовало произойти. Я не хочу снова проходить через это унижение.

– А что твои дядя и тетя? Они не сказали, как тебе следует поступить?

– Я им не сказал и не собираюсь говорить. Они снова заставят меня пройти через эти лечебные процедуры, но все будет зря. Я это знаю. Все идет так, как и должно идти.

Элизабет слышала горечь поражения в его голосе, и в ее душе рос гнев.

«Может быть, ты и не желаешь сражаться, но зато желаю я».

– Послушай, – продолжал Томми, – никто не может меня спасти. Я позвонил, просто чтобы поговорить, поделиться этой тяжестью... с кем-то, кому могу доверять.

Его искренность тронула Элизабет. Во всем мире только он доверял ей. И он был единственным, кому она, в свою очередь, могла довериться. Она почувствовала, как решимость ее становится каменно-твердой. Сын Элизабет умер потому, что она не сумела защитить его. Но она не допустит, чтобы подобное случилось с этим мальчиком.

Он еще несколько минут говорил ей что-то, по большей части о своих покойных родителях. И с каждым его словом Элизабет все яснее видела свою новую цель.

«Я вырвусь на свободу из этих стен... и спасу тебя».

Глава 7

17 марта, 18 часов 38 минут по центральноевропейскому времени

Ватикан

Из огня да в полымя...

Благополучно выскользнув из библиотеки сангвинистов незамеченной, Эрин успела встретиться с Христианом и сестрой Маргарет до того, как ее вызвали в канцелярию кардинала Бернарда в Апостольском дворце. Она прошла за облаченным в черное священником по длинному, отделанному деревянными панелями коридору и миновала папские апартаменты на пути в отдельное крыло, где размещалась штаб-квартира Ордена сангвинистов.

По пути Эрин гадала о причинах этого неожиданного вызова.

«Неужели Бернард узнал о моей незаконной вылазке?»

Женщина попыталась идти спокойно, ничем не выдавая напряжения. Она уже пробовала расспрашивать своего проводника-священника. Его звали отец Грегори, он был новым помощником Бернарда. На ее вопросы он не отвечал: судя по всему, такая неразговорчивость была непрямым качеством любого, кто служил кардиналу.

Эрин пристально рассмотрела священника. У него была молочно-белая кожа, густые темные брови, черные волосы достигали середины шеи. В отличие от предыдущего помощника кардинала он не был человеком – отец Грегори принадлежал к Ордену сангвинистов. По виду ему можно было дать чуть больше тридцати лет, но вполне возможно, что он был на много столетий старше.

Они подошли к входу в кабинет Бернарда, и Грегори отворил перед Эрин дверь.

– Мы пришли, доктор Грейнджер.

Она отметила в его фразе ирландский акцент.

– Благодарю вас, святой отец.

Он проследовал за ней в кабинет, достал из кармана старомодные часы на цепочке и посмотрел на циферблат.

– Боюсь, мы пришли несколько раньше, чем предполагалось. Кардинал будет здесь с минуты на минуту.

Эрин заподозрила в этом некий план со стороны Бернарда: заставить ее ждать, чтобы таким образом хоть в чем-то выразить свое превосходство над нею. Кардинал все еще был недоволен тем, что Кровавое Евангелие оказалось связано с нею.

Отец Грегори выдвинул для Эрин один из стульев, стоящих у широкого кардинальского стола, сделанного из красного дерева. На соседний стул женщина положила свой рюкзак.

Ожидая прихода Бернарда, она рассматривала кабинет, обнаруживая все новые сюрпризы. На полках книжного шкафа высотой от пола до потолка стояли древние фолианты, переплетенные в кожу, на высокой подставке поблескивал старинный глобус XVI века, украшенный драгоценными камнями, а над дверью висел меч, явно времен крестовых походов.

Тысячу лет назад кардинал Бернард шел с этим самым мечом в битву, дабы освободить Иерусалим от сарацинов, и несколько месяцев назад Эрин своими глазами видела, насколько он искусен в мечном бою. Хотя кардинал, похоже, предпочитал действовать незаметно и без шума, он все еще оставался свирепым воином.

И это следует учитывать.

– Должно быть, вы устали за целый день работы с книгами, – произнес отец Грегори, направляясь к двери. – Пока вы ждете, я принесу вам кофе.

Как только дверь за ним закрылась, Эрин встала, обогнула кардинальский стол и просмотрела бумаги, разбросанные на столе, быстро окинув взглядом их содержимое. Несколько месяцев назад она не стала бы лезть в тайны кардинала, но она видела, как многие люди умирали ради того, чтобы эти тайны остались тайнами.

Знание было властью, и Эрин не собиралась позволить Бернарду владеть этим знанием единолично.

На самом верху лежал лист с латинским текстом. Эрин пробежала его глазами, переводя по ходу чтения. Судя по всему, два стригоя напали на ночной клуб в Риме, убив тридцать четыре человека. Подобные открытые нападения были необычными, почти неслыханными для современного мира. За прошедшие века даже стригои научились скрываться и прятать тела своих жертв.

Очевидно, теперь что-то изменилось.

Эрин прочла частный доклад об этой бойне и обнаружила куда более тревожные подробности. Среди погибших была тройка сангвинистов. Она судорожно сглотнула, осознав всю невероятность этого. Два стригоя убили трех обученных бою сангвинистов?

Эрин отложила страницу в сторону и стала читать следующий доклад, на этот раз написанный по-английски. В нем описывалось похожее нападение на военную базу вблизи Лондона: двадцать семь вооруженных солдат убиты в столовой во время ужина.

Женщина перебрала остальные бумаги. В них говорилось о странных кровопролитных нападениях, происходящих по всей Италии, Австрии и Германии. Ужасные подробности этих отчетов настолько поглотили ее внимание, что она едва заметила, как распахнулась дверь кабинета.

Эрин подняла голову.

В помещение вошел Бернард, облаченный в алую сутану – знак кардинальского сана. Седовласый, спокойный, он легко мог сойти за безобидного добродушного дедушку.

Увидев Эрин, сангвинист вздохнул и кивком указал на бумаги:

– Я вижу, вы прочли донесения моей разведки.

Она и не пыталась отрицать очевидное.

– В них не хватает конкретики. Вы узнали еще что-нибудь об этих нападающих?

– Нет, – ответил Бернард, занимая свое место за столом. Эрин вернулась к стулу, на котором сидела раньше. – Мы знаем лишь, что они действуют грубо, неорганизованно и непредсказуемо.

– А что насчет свидетелей?

– До сих пор стригои никого не оставляли в живых. Но во время последнего нападения, произошедшего на дискотеке, они попали в объектив камеры наблюдения, и мы смогли получить эту запись.

Эрин насторожилась.

– Это довольно страшное зрелище, – предупредил кардинал, поворачивая к ней монитор своего компьютера.

– Покажите, – сказала она, наклоняясь вперед.

Кардинал открыл видеофайл, и вскоре на экране появилось зернистое, нечеткое изображение нескольких человек, движущихся по темному танцполу. Их озаряли вспышки стробоскопа, и хотя запись шла без звука, Эрин легко могла представить низкое уханье басов в такт этим вспышкам.

– Смотрите на этих двоих, – произнес Бернард.

Он указал на двух мужчин, появившихся у края кадра. Оба были одеты в темное и медленно двигались по направлению к танцполу. У одного была белая кожа, у другого черная.

Эрин подалась ближе, чтобы как следует рассмотреть темную фигуру. Качество съемки было слишком плохим, чтобы разобрать черты, но складывалось такое впечатление, что эта черная кожа впитывает свет. Лицо выглядело каким-то не естественным, словно он носил маску.

Танцоры словно ощутили присутствие охотников – маленькая толпа расступилась, образовав неровный круг, в центре которого оказались два незваных пришельца. И эта тревога была оправданной. Мгновение спустя стригои бросились на людей, они двигались так быстро, что их изображения в кадре размывались в неясные пятна. Эрин никогда не видела, чтобы стригои перемещались с такой скоростью.

Менее чем через десять секунд на ногах остались только два стригоя. Изломанные окровавленные тела лежали на танцполе. Каждый из нападавших подхватил с пола раненую женщину, перебросил через плечо – и фигуры кровопийц скрылись из кадра.

Эрин содрогнулась, представив, что уготовано этим несчастным девушкам.

Кардинал нажал клавишу, и изображение замерло.

Грейнджер с трудом сплотнула, думая о том, какую боль и страх эти люди, должно быть, испытали в свои предсмертные мгновения. Ни у одного из них не было ни единого шанса выжить.

– Полиция ищет этих убийц? – спросила она.

Кардинал снова развернул монитор к себе.

– Они ведут поиски, но не знают, на кого охотятся.

– Что вы имеете в виду?

– Полиция не видела этих кадров – и никогда не увидит. Как вы знаете, мы не можем допустить, чтобы доказательства существования стригоев попали в руки широкой общественности.

Эрин откинулась на спинку стула.

– И как же в этом случае люди смогут себя защитить?

– Мы выслали дополнительные мобильные отряды. Они патрулируют город днем и ночью. Мы найдем этих двух убийц и уничтожим их. Это наш священный долг.

Эрин подумала о том, сколько невинных жизней будет загублено, прежде чем это произойдет.

– Эти стригои были очень быстрыми, я никогда прежде такого не видела.

Кардинал поморщился.

– И они не единственные. Мы получаем похожие сообщения со всего мира. По какой-то причине стригои начали изменяться, становиться более сильными.

– Я слышала об этом, но почему это происходит? И почему именно сейчас?

– Я не знаю точно, но боюсь, что это связано с пророчеством.

Эрин сдвинула брови, пытаясь понять, на что он намекает.

– Оно гласит, что оковы Люцифера каким-то образом ослабли.

– И из-за этого все больше зла проникает в наш мир. Привычное равновесие начинает смещаться, давая избыточную силу созданиям зла и одновременно подтачивая силу святости.

Женщина пристально посмотрела на кардинала, словно пытаясь проникнуть в суть его слов.

– Вы чувствуете себя слабее, чем прежде?

Он сжал в кулак руку, прежде спокойно лежавшую на столе.

– Здесь, на святой земле – нет. Но за последние двенадцать недель мы потеряли восемнадцать оперативников из числа сангвинистов.

«Восемнадцать?» За последние десятилетия численность ордена и так начала сокращаться, равно как и численность католического священства. Сангвинисты не могли позволить себе терять еще больше солдат, особенно перед лицом надвигающейся войны.

– У этих атак есть какой-либо общий географический паттерн? – спросила Эрин. – Возможно, если мы узнаем, где это все началось, мы получим ключ к пониманию того, как это остановить.

Бернард, прищурившись, посмотрел ей в глаза.

– Доктор Грейнджер, похоже, вы, как обычно, попали в самую точку.

Она села прямо.

– Вы что-то вычислили.

– Мы тщательно отмечали время и место этих нападений.

– Чтобы выстроить базу данных, – подхватила Эрин. – Умный ход.

Кардинал кивнул, поблагодарив ее за комплимент, и вновь развернул к ней монитор. Потом быстрым движением пальцев вывел на экран карту Европы. На ней краснели маленькие точки, отмечавшие места нападений. Их огромное количество потрясло Эрин, но она не позволила себе отвлекаться от главного.

– Если проследить их в обратном порядке по времени, – сказал Бернард, демонстрируя это по карте, – то можно увидеть, что эти нападения распространяются от одной-единственной точки.

Он увеличил масштаб, показав на экране эпицентр атак.

Эрин прочла название местности, чувствуя, как сердце проваливается куда-то в живот.

– Кумы... там находилось святилище сивиллы.

И там сейчас работает Джордан.

Она посмотрела на Бернарда.

– Есть какие-нибудь известия от Джордана и его команды? Они узнали что-нибудь?

Кардинал устало откинулся на спинку своего кресла.

– Это вторая причина, по которой я вызвал вас. Я решил, что вы должны услышать это непосредственно от меня. На них напали...

Его рассказ прервало появление отца Грегори, несущего на подносе серебряный кофейный сервиз. Эрин оглянулась, чувствуя, как ее захлестывает паника на грани обморока. Должно быть, Грегори услышал неистовое биение ее сердца – он недвижно застыл в дверях.

Эрин снова повернулась к Бернарду.

– Джордан жив?

Бернард махнул рукой отцу Грегори:

– Поставьте кофе вон на тот стол. И можете идти.

Грейнджер не стала дожидаться, пока помощник кардинала покинет кабинет. Прошли те времена, когда она ждала, чтобы сангвинисты выберут момент сообщить ей что-нибудь.

– Что произошло? – рявкнула Эрин, угрожающе подавшись в сторону Бернарда. Тот поднял руку, призывая ее успокоиться.

– Не бойтесь, Джордан и его команда живы и невредимы.

Женщина с прерывистым вздохом осела на стул. Однако она чувствовала, что кардинал еще не договорил. Но он уже ответил ей на самый важный и тревожный вопрос, и она подождала, пока отец Грегори уйдет, и только тогда задала Бернарду новый вопрос:

– Что вы мне еще не сказали?

– Сегодня утром команда Джордана обнаружила новый тоннель – он выглядел недавно прокопанным. Складывается впечатление, что кто-то – или что-то – проложил себе ход наружу из погребенного под землею святилища.

– Что-то? Что вы имеете в виду?

– Мы не знаем. Но нам известно, что тело брата Леопольда пропало из святилища.

Эрин обдумала его слова. Во время битвы в святилище минувшей зимой Леопольд был убит Руном... по крайней мере, это так выглядело. Но если его трупа там нет, значит, он остался в живых – или кто-то забрал его тело.

Она снова вернулась к теме, которая тревожила ее больше всего.

– Вы сказали, что на них напали.

– Да. Внизу, в святилище, Джордана и его спутников поджидал стригой.

Женщина поднялась и подошла к столу, на котором стоял кофейный сервиз. Слишком взволнованная, чтобы сидеть на месте, она налила кофе в чашку, напоминая себе, что Джордан жив и здоров.

И все же...

Согревая ладони о чашку, она обернулась к Бернарду.

– Нападающий был одним из этих суперстригоев?

– Похоже на то. Есть хорошая новость – они собираются привезти тело этого стригоя в Рим, чтобы изучить. По его останкам мы, возможно, сумеем что-нибудь понять.

– Когда? – коротко спросила Эрин. Ей не терпелось увидеть Джордана и своими глазами удостовериться, что с ним все в порядке.

– Они должны быть здесь примерно через час. Но в том святилище они нашли что-то еще, о чем не хотели рассказывать по телефону. Если точно, то Джордан сказал, что хочет, чтобы вы увидели это первая. – Кардинал, похоже, был недоволен тем, что кто-то скрывает от него такие сведения. – Он считает, что вы должны опознать это, поскольку, как он твердо уверен, вы – Женщина Знания.

Эрин отпила глоток кофе, надеясь, что горячий напиток растопит холодный комочек паники у нее в груди. Она была благодарна Джордану за то, что он так верит в нее, но могла лишь надеяться, что его вера не ошибочна. Не зная, что они везут из Кум, Грейнджер задумалась над тайной пропажи тела Леопольда и каким-то образом связала эту тайну с загадочным предположением Бернарда.

Что-то проложило себе ход наружу из святилища.

19 часов 02 минуты

Рим, Италия

Легион крался вдоль подножия высокой стены в самом сердце Рима. Он окружил свое тело защитной тенью. Хотя солнце уже ушло за горизонт, окружающие улицы все еще были озарены сумеречным светом. Он предпочитал скрываться в темных местах, а в качестве дополнительной предосторожности поглубже натянул на голову капюшон своей куртки. Он точно знал одно: «Никто из тех, кто увидит мое открытое лицо, не сможет не распознать мое величие».

Пока что многое оставалось неизвестным ему.

Этому следовало положить конец.

Его сосуд, тот, кто некогда звался Леопольдом, оказался весьма полезен. Читая по мерцающему пламени, которое все еще горело во тьме его сущности, Легион многое узнал о пророчестве и о тех, кто противостоял ему в исполнении его долга.

Слова этого предсказания с каждым шагом отдавались в его сознании.

Купно трио должно отправиться в свои последние искания. Кандалы Люцифера разомкнуты, а Чаша его по-прежнему утрачена. Потребуется свет всех троих, дабы сплотить сию Чашу сызнова и опять изгнать его в тьму непреходящую.

Он представил себе лицо того, кого именовали Воителем Человеческим, и явственно узрел его синие глаза и твердые черты лица. Воитель был наделен всеми атрибутами мужественности, он являлся истинным олицетворением мужчины и воина.

Легион продолжил свой путь вдоль стены. По дороге мимо него промчалась огромная повозка, вздымая в воздух пыль и мусор и изрыгая зловонный дым. По памяти Леопольда Легион знал, что эта повозка именуется автобусом. Однако он предпочел обратиться к собственным воспоминаниям. Будучи одним из *Падших*, он бессчетные годы бродил по этому миру-саду, задолго до того, как сюда ступила нога человека. Там, где некогда росли дикие леса, человечество заковало землю в искусственный камень. Там, где когда-то под синими небесами текли чистые реки, ныне осталась лишь грязь – и в воде, и в воздухе.

С самого начала Легион знал, что человек не достоин унаследовать этот рай. Во время Войны в Небесах, где он вместе с остальными восстал против планов Бога относительно людей, Легион надеялся забрать этот сад себе. Но в итоге он и прочие проиграли эту битву и были низвергнуты. Но ныне, как и предвидел Легион, человечество показало себя истинной гибелью для этого сада, сорной травой, которую надлежало вырвать с корнем и сжечь.

«Я отниму этот рай обратно».

Он не позволит, чтобы что-либо помешало ему.

Даже пророчество.

И ради этого он должен узнать больше об этом трио – достаточно, чтобы остановить их. Легион провел темными пальцами по стене, чувствуя, как святость этих камней обжигает его. Эта стена отделяла Рим от Ватикана. И он крался вдоль нее с определенной целью.

Легион знал от Леопольда прозвания двух других из *предреченного трио*: Женщина Знания и Рыцарь Христов. Они, вероятнее всего, находились поблизости, скрываясь в этом оплоте святости. Легион отнял руку от стены и уставился на ладонь, представляя, как темные вихри зарождаются в глубине его кожи. Если он наложит длань на одного из троих, то в единый миг сможет завладеть им.

«Одним прикосновением я могу покончить с угрозой, которую несет мне это пророчество».

И первый шаг к достижению этой цели вот-вот должен быть сделан. Рыская вдоль границ Священного Города, Легион надеялся найти нужную добычу. И вот она показалась. По тротуару к нему шел человек, ничем не отличимый от любого иного пешехода. Но своими обостренными чувствами Легион улавливал одно существенное отличие.

В груди этого прохожего не билось сердце.

Сангвинист – это слово Легион узнал от Леопольда. Служитель Господа тоже опознал сверхъестественную природу Легиона – но слишком поздно. Тот обхватил своими черными пальцами открытое запястье сангвиниста. Тот рухнул на колени, когда Легион выжег его волю и наполнил его сердце своим мраком.

«Ты будешь моими глазами и ушами в Священном Городе».

Легион поднял взгляд на гребень стены. Теперь, когда у него есть такой раб, он сможет узнать, где скрывается его враг, и положить конец этой угрозе.

«Я не буду побежден вновь».

19 часов 15 минут

Ватикан

Ожидая появления Джордана, Эрин изучала карту на компьютере Бернарда, прослеживая, как распространяются от Кум нападения стригоев.

– Это как чума, – пробормотала она.

Кардинал поднял взгляд от отчетов, которые как раз перечитывал.

– О чем это вы?

Эрин указала на экран.

– Что, если расценивать паттерн этих странных нападений стригоев как заболевание, эпидемию, которая распространяется все дальше и шире?

– И чем это поможет нам?

– Возможно, вместо того чтобы искать способ предотвратить эти нападения, мы должны сосредоточить усилия на поисках Пациента Ноль. Если мы сможем найти его...

Короткий стук в дверь заставил ее прерваться.

– Войдите, – произнес Бернارد, поправляя свою алую кардинальскую шапочку. Он был тщеславен, но ни за что не признался бы в этом.

Эрин повернулась к распахнувшейся двери. Сначала вошел отец Грегори – но он лишь придерживал дверь для остальных. Увидев первого из гостей, Эрин сорвалась с места и пролетела половину кабинета, прежде чем сама это осознала.

Джордан схватил ее в объятия, приподняв над полом. Эрин в ответ изо всех сил обняла его. Когда он вновь поставил ее на ноги, она отклонилась назад, положила руки ему на плечи и окинула его жадным взглядом.

Несмотря на все заверения кардинала, Эрин тревожилась за состояние Джордана. Но он действительно выглядел хорошо – а если сказать точнее, то просто отлично. Его загорелое лицо прямо-таки лучилось здоровьем.

Приподнявшись на цыпочки, женщина запрокинула лицо в ожидании поцелуя. Склонившись, Джордан чмокнул ее в щеку. Его губы были обжигающе-горячими, словно у больного лихорадкой. Эрин опустила на всю стопу, изумленно поднимая руку к щеке.

Поцелуй в щеку?

Столь прохладный знак привязанности был совершенно нехарактерен для Джордана и воспринимался как отторжение.

Эрин заглянула в его ясные синие глаза и протянула руку, чтобы погладить его по коротко стриженным белокурым волосам. Ей хотелось спросить у него, что происходит. Он никак не отреагировал на ее прикосновение. Эрин приложила тыльную сторону руки к его лбу. Кожа его просто пылала жаром.

– У тебя температура?

– Абсолютно нет. Я чувствую себя отлично. – Он отступил назад и большим пальцем указал на своего спутника, шедшего чуть позади. – Наверное, просто перегрелся, пытаюсь угнаться за этим парнем.

«Этим парнем» был Христиан, и, судя по выражению лица, молодой сангвинист также был обеспокоен. Джордан явно что-то от нее скрывал.

Но прежде чем Эрин успела об этом спросить, Христиан переступил порог. Он был одет в потертые черные джинсы и темно-синюю ветровку, из-под которой виднелась священническая рубашка с колораткой⁸. Он кивнул Бернardu.

– София и Баако пошли отнести тело стригоя в папскую операционную.

Эрин на время отредила от своего беспокойства по поводу странностей Джордана и сосредоточилась на загадке, которую он со своей командой представил им на рассмотрение. Если они смогут обнаружить источник необычной силы и быстроты стригоя, то, возможно, в будущем сумеют разработать способ справиться с этим. Но это явно будет не сию минуту.

Христиан достал из кармана своей куртки лоскут цвета хаки и виновато оглянулся на Джордана.

– София просила меня показать это Эрин.

⁸ *Колоратка* – элемент облачения клириков и иных священнослужителей в западных церквях и церковных общинах, представляющий собой жесткий белый воротничок с подшитой к нему манишкой, застегивающийся сзади и надевающийся под сутану, или же белую вставку в воротничок-стойку обычной рубашки.

У Грейнджер перехватило дыхание, когда она узнала этот лоскут. Это был клочок от рубашки Джордана – но этот клочок был пропитан запекшейся кровью, и посередине его явственно виднелся разрез. Она встревоженно посмотрела на Стоуна, он ответил ей улыбкой.

– Не о чем волноваться. Меня просто слегка поцарапали в бою.

– Поцарапали? – Она чувствовала, что он о чем-то умалчивает. – Покажи!

Джордан вскинул руки, словно защищаясь.

– Клянусь... там не на что смотреть.

– Джордан... – Тон Эрин стал холодным, почти угрожающим.

– Ладно, ладно. – Он задрал свою футболку, предъявив отлично накачанный пресс.

Тут явно все в порядке.

Эрин провела пальцем по его необычно горячей коже, заметив тонкую полоску шрама. Раньше этой полоски не было. Не отнимая пальцев от живота Джордана, она снова взглянула на окровавленный лоскут в руках Христиана. Разрез на передней части рубашки точно совпадал с этим шрамом.

– Царапина или нет, – произнесла Эрин, – но она не должна была зажить так быстро.

Бернард тоже подошел, чтобы осмотреть Джордана.

– По словам Софии и Баако, – объяснил Христиан, – Джордан самопроизвольно исцелился без каких-либо дурных последствий.

Без каких-либо дурных последствий?

Его кожа под пальцами Эрин просто пылала. И он избегал смотреть ей в глаза. Она вспомнила прошлый раз, когда от него исходил такой жар. Это было, когда Джордан был исцелен ангельской кровью Томми. Было ли это свидетельством пророчества, относящегося к Воителю Человеческому? Слова эхом прозвучали в памяти Эрин: *«Воитель же Человеческий так же неразоторжимо связан с ангелами, коим обязан своей брэнной жизнью»*.

Джордан одернул футболку и бросил взгляд на Эрин.

– Я не хотел, чтобы ты волновалась. Я собирался сказать тебе, когда мы будем наедине.

Собирался ли?

Она ненавидела эти свои сомнения, но ничего не могла с этим поделать.

– Полагаю, нам сперва нужно обсудить куда более важную подробность, – продолжил Джордан.

Он достал что-то из кармана своих камуфляжных штанов и поднял так, чтобы все могли это видеть. Свет свечей блестел на острых изломах. Это было похоже на две половинки разбитого зеленого яйца.

– Мы нашли это возле алтаря в святилище сивиллы под землей, – пояснил Джордан.

Он прошел через кабинет и положил осколки на стол кардинала. Все сгрудилось вокруг них. Грани камня отбрасывали радужные блики на лица. Таких ярких отсветов Эрин никогда не видела: желтые были подобны солнечному свету, зеленые – молодой траве, синие – безоблачным небесам. Эти обломки явно состояли не из обычного стекла.

– Что это за камень? – спросила она.

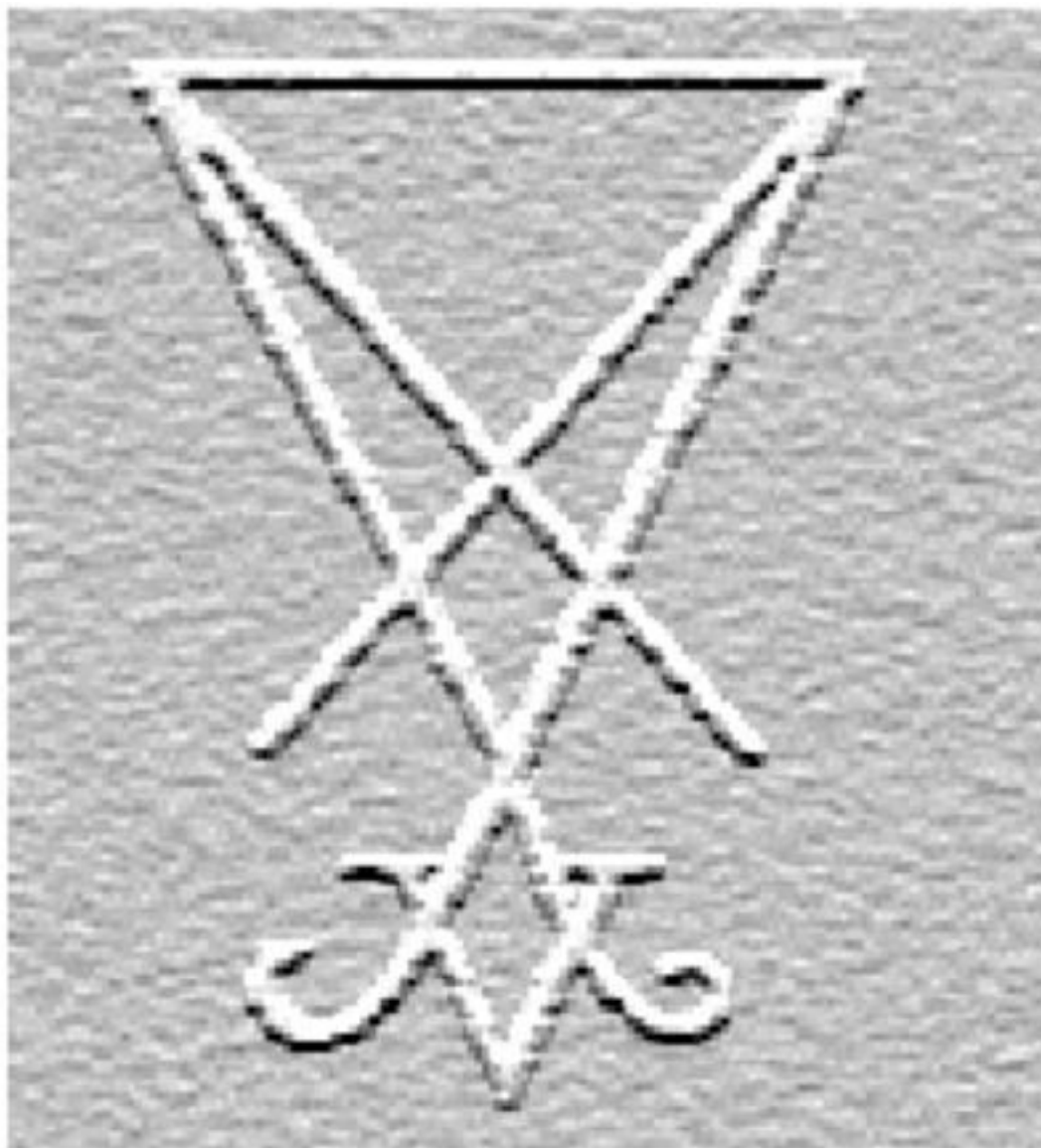
– Думаю, алмаз, – ответил Христиан, наклоняясь поближе. – Зеленый алмаз, если говорить точнее. Чрезвычайно редкий.

Эрин смотрела на камень, зачарованная его красотой. Ограненный кристалл раскидывал блики по всему столу. Эти крошечные изумрудно-зеленые отблески напоминали ей крошечные листья, колышущиеся под ветром.

Джордан сложил два куса алмаза вместе.

– Мы нашли его уже разбитым пополам, но когда-то это был цельный самоцвет. И взгляните на это...

Он перевернул камень, чтобы показать символ, виднеющийся на кристалле:

Эрин склонилась ниже, обводя линии символа указательным пальцем. Они выглядели так, словно рисунок был вплавлен в алмаз.

– Странно, да? – сказал Джордан, заметив ее внимание к символу. – Такое ощущение, что он всегда был частью камня, а не был вырезан впоследствии.

Грейнджер нахмурилась.

– Я слышала об изъянах и различных включениях в драгоценных камнях, но трудно поверить, что такой четкий и симметричный рисунок образовался естественным путем.

– Согласен, – кивнул Христиан.

Она выпрямилась.

– К тому же я видела такой символ раньше.

Потрясенное выражение их лиц отчасти даже позабавило ее.

– Где? – спросил Бернард.

Эрин указала на книжный шкаф кардинала:

– Вот здесь.

В доказательство своих слов Эрин подошла к шкафу и извлекла маленький томик в кожаном переплете. Она сама передала эту ужасную книгу кардиналу, найдя ее в снегу в Стокгольме

после того, как ее обронила Элисабета Батори. Это был личный дневник Кровавой Графини, перечень ее злодейств и жутких экспериментов.

Эрин отошла обратно к столу и открыла ломкую обложку дневника. Ему уже исполнилось несколько столетий, но женщина могла поклясться, что чувствует запах крови, все еще исходящий от его страниц. Она пролистала страницы с изображениями лекарственных трав, прежде чем добралась до описания поздних опытов Батори, где содержались подробные рисунки человеческой и стригойской анатомии. Глаза Эрин скользили по аккуратным строкам, где рассказывалось о страшных экспериментах над смертными женщинами и стригоями, о кошмарных способах воздействия, причиняющих подопытным невероятные страдания и заканчивающихся смертью.

Она поспешно пролистала и их.

В самом конце дневника Грейнджер нашла то, что искала. На последней странице был грубо, словно в большой спешке, нацарапан символ:

Он в точности совпадал с тем, что был виден на камне.

– Что это значит? – спросил Бернард.

– Поинтересуйтесь у той женщины, которая его нарисовала, – ответила Эрин.

Джордан застонал.

– Что-то мне подсказывает, что она не захочет нам содействовать, особенно после того, что сделал с нею Рун. Она не из тех, кто легко прощает что бы то ни было.

– И все же, – не сдавалась Эрин, – возможно, только Рун и сможет убедить ее.

Джордан вздохнул.

– Другими словами, пора снова собирать всех воедино.

Вид у него был недовольный, но Эрин почувствовала некоторое облегчение при мысли о том, что все они снова будут вместе, что *предреченное трио* воссоединится.

Она представила бледное лицо Руна, его мрачные темные глаза и повернулась к Бернardu:

– И где именно сейчас находится наш Рыцарь Христов?

Глава 8

17 марта, 20 часов 37 минут по центральноевропейскому времени

Кастель-Гандольфо, Италия

«Еще одно, последнее дело, и я волен буду вернуться в Рим».

Хотя на самом деле Рун не особо спешил с этим. После возвращения из Египта он остановился отдохнуть в летней резиденции папы, в одном из сельских пригородов Кастель-Гандольфо. Понтифик редко навещал эту резиденцию, и она напоминала скорее деревенское поместье. Жизнь здесь шла неспешно и размеренно, определяясь лишь сменой времен года.

Рун стоял у окна и смотрел через весенние поля на залитые лунным светом воды озера Альбано. Он и сам не осознавал, как соскучился по виду воды после проведенных в пустыне месяцев. И сейчас он глубоко вдыхал воздух, наполненный ароматами влаги, зелени и рыбы.

Потом его пятку пронзила острая боль, и он перевел взгляд на каменный пол – и на озорного звереныша, жующего задник ботинка Руна. Белый львенок распростерся на полу, вытянув перед собой передние лапы, точно сфинкс. Разве что сфинксы не имеют обыкновения склонять голову набок и запускать клыки в кожаную обувь.

– Довольно, друг мой. – Рун стряхнул с ноги решительно настроенного львенка.

Детеныш отлично перенес перелет из Египта в Италию. Перед полетом он плотно позавтракал молоком и мясом и всю дорогу крепко спал, свернувшись в ящике.

«Очевидно, ты снова не прочь поесть... обувной кожи».

Стук в дверь заставил обоих взглянуть в ту сторону. Рун поспешил открыть, надеясь, что это человек, которого он тайно просил встретиться с ним в этом удаленном уголке папской резиденции. Когда Корца отворил дверь, за нею обнаружился низкорослый священнослужитель, в седых волосах которого была выбрита монашеская тонзура. Макушка его едва достигала плеча Руна.

– Брат Патрик, спасибо, что пришел.

Собрат-сангвинист проигнорировал формальное приветствие Руна и, протиснувшись в комнату, взял того за обе руки.

– Когда мне сказали, что ты прибыл повидать меня, я даже не поверил в это. Так много лет прошло!

Рун улыбнулся его восторгу.

– Брат Патрик, ты меня пристыдил. Неужели миновало столько времени?

Монах задумчиво нахмурился.

– Кажется, мы беседовали последний раз в тот год, когда люди только совершили полет на Луну. Я знаю, что ты недавно побывал здесь, но ты приехал и уехал так быстро... – Он погрозил Руно пальцем. – Ты должен был задержаться.

Рун кивнул. Он был занят в тот раз, расследуя вероятность того, что в ордене завелся предатель, но объяснять это было бы слишком долго. К счастью, брат Патрик быстро переключил внимание на другого гостя резиденции.

– О боже! – Патрик опустился на колени и протянул руку к львенку, почесывая кончиками пальцев его мягкие уши. – Это полностью искупает твое долгое отсутствие. Я много лет не видел столь великолепного зверя.

Монах долгое время присматривал за папским зверинцем – еще с тех пор, как в резиденции обитали лошади, крупный и мелкий скот, голуби и соколы. Несмотря на свой маленький рост и упитанность, он быстрее любого другого мог запрячь коней в карету. Более века назад Рун работал вместе с ним в конюшне. Никто так хорошо не понимал божьих тварей, как брат Патрик.

– Малыш выглядит голодным, – произнес монах, явив уже упомянутое понимание бессловесных созданий.

– Но я не так давно скормил ему добрую порцию мяса!

– Это юное, растущее существо, – хмыкнул Патрик, потом поднялся и двинулся к двери. – Пойдем со мной. Я уже подыскал для него уютное местечко. После того как ты сообщил о том, что с тобой приедет такой очаровательный спутник, я сделал все, чтобы подготовиться к его прибытию.

Львенок радостно затопал за ними. Патрик повел Руна вниз по ступеням и прочь из здания на открытый воздух. Они прошли через задний двор туда, где находились старые конюшни.

Как только Рун вошел туда, запах конского пота, седельной кожи и сена словно перенес его на сотню лет назад. Медленное, мощное сердцебиение лошадей звучало вокруг него, точно музыка. Сейчас в конюшне обитало лишь несколько животных, гораздо меньше, чем в давние времена, когда для путешествий обязательно требовался одр о четырех ногах.

Лошади зафыркали, едва завидев Патрика, а тот извлек из своих карманов по куску сахара для каждой из них и обошел стойла, ласково поглаживая по носу их обитателей.

Рун подхватил преисполненного любопытства львенка, чтобы помешать ему кинуться напрямиком в какое-нибудь стойло.

Наконец Патрик дошел до дверей своего кабинета и пригласил гостей внутрь. Стены были увешаны изображениями лошадей – и фотографиями, и карандашными рисунками. Рун узнал коня, которого в свое время видел вживую, чемпиона, возвращенного Патриком.

Монах проследил за его взглядом.

– Помнишь Благодатного, а? Что за чемпион это был! Клянусь, появившись из чрева матери, он сразу же уверенно встал на ноги.

Обойдя свой захламленный рабочий стол, Патрик просеменил к маленькому холодильнику в углу. Оттуда он извлек металлический кувшин с молоком, с полки снял большую керамическую миску, а потом до края наполнил ее из кувшина.

Едва он поставил миску на стол, как львенок метнулся напрямиком к ней, погрузил морду в белую жидкость и начал лакать. Комнату наполнило громкое мурлыканье.

На краткий миг Руно показалось, что он находится вне своего тела. Он обнаружил, что смотрит в белое озерцо прямо под носом и чувствует, как холодное молоко течет в горло. Потом он вдруг вновь оказался в собственном теле и в изумлении сделал шаг назад, слегка покачнувшись.

Патрик пристально и озабоченно посмотрел на него.

– Рун, ты что?

Тот лишь покачал головой, приходя в себя и все еще не совсем понимая, что случилось. Он посмотрел на львенка, потом снова на Патрика и решил списать странную иллюзию на последствия усталости. Сейчас у него были куда более приземленные дела.

– Спасибо, что согласился присмотреть за ним. Я знаю, что львенок будет обузой, но прошу тебя держать его здесь так долго, как сможешь.

– С радостью это сделаю, но я не смогу вечно держать здесь льва – лошади, сам понимаешь. В конце концов его придется передать в зоопарк, куда-нибудь, где у него будет достаточно места и надлежащий присмотр. – Патрик взглянул на Руна и погладил львенка по боку. – Не могу не признать, что он очарователен, но это совсем не похоже на тебя – подбирать потерявшихся зверушек. Что такого необычного в этом малыше?

Рун не был готов рассказывать о рождении львенка от *бласфемаре*, поэтому предпочел аккуратно обойти эту тему.

– Он сирота. Я нашел его рядом с телом его убитой матери.

– Многие детеныши остаются сиротами, но ты не притаскиваешь их ко мне на конюшню.

– Он... совсем другой, возможно, особенный.

Патрик подождал дальнейших объяснений, но когда их не последовало, просто хлопнул себя руками по бокам и встал.

– Я могу взять его на несколько недель. Но на всякий случай начну подыскивать ему место для постоянного проживания.

– Спасибо, Патрик.

На столе зазвонил телефон. Монах хмуро взглянул на него:

– Похоже, я кому-то срочно нужен.

Патрик снял трубку. Рун наклонился, чтобы слегка потрепать львенка по гриве, а потом направился к двери. Он уже шагнул за порог кабинета, но тут Патрик окликнул его:

– Похоже, я ошибся, Рун. Кое-кому срочно нужен *ты*.

Корца сделал шаг назад. Положив трубку, Патрик пояснил:

– Звонили из канцелярии кардинала. Похоже, его преосвященство желает, чтобы ты срочно вылетел в Венецию.

– В Венецию?

– Кардинал Бернارد лично встретит тебя там.

Рун ощутил холодок беспокойства, догадываясь о причинах этого вызова. После событий в Египте Элисабету отослали в Венецию. Там ее поместили под присмотр и охрану в стены монастыря, точно узницу.

«И что же натворила Элисабета?»

Рун мысленно сверил свои планы. Оставив здесь льва, он намеревался направиться напрямик в Рим, чтобы отдать мешочек с черными камнями – каплями крови Люцифера, добытыми им в песках Египта. Но этот неожиданный вызов требовал, чтобы камни сначала были помещены в надежное место. Рун не хотел, чтобы рядом с Элисабетой оказалось такое средоточие зла.

Он подошел к столу. Патрик, должно быть, что-то угадал по выражению его лица.

– Что еще я должен сделать для тебя, сын мой?

Рун достал из кармана кожаный мешочек и положил на стол. Монах отпрянул, почувствовав зло, исходящее от камней.

– Ты можешь спрятать это здесь, в замке, в кардинальском сейфе? Никто не должен прикасаться к тому, что лежит внутри.

Патрик с отвращением посмотрел на мешочек, но затем кивнул.

– Ты привез с собой немало любопытного, Рун.

Тот пожал руку монаха.

– Сегодня ты освободил меня сразу от двух тяжелых грузов, старый приятель. Я ценю это.

Уладив вопрос с камнями, он направился прочь из кабинета, однако на душе было неспокойно. Рун не знал, что ждет его в Венеции. Но одно он знал точно.

Элисабета не обрадуется его визиту.

Часть II

*Тогда Иудеи стали спорить между собою, говоря: как Он может дать нам есть Плоть Свою? Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день.
Ин. 6:52–54*

Глава 9

17 марта, 20 часов 40 минут по центральноевропейскому времени

В воздухе над Венецией, Италия

Когда вертолет перемахнул через Адриатическое море, Джордан взглянул на часы. Путь из Рима оказался довольно коротким. Впереди сверкала на фоне черной лагуны Венеция, точно драгоценная корона, брошенная кем-то у итальянских вод.

В вертолете, помимо них с Эрин, находились трое сангвинистов. Впереди над пультом управления склонился Христиан, а София и Бернард сидели в задней части кабины. То, что кардинал тоже отправился в эту поездку, удивило Джордана.

«Полагаю, Бернард просто устал сидеть в Риме».

И все же кардинал и остальные сангвинисты были искусными воинами. Джордан уж точно не был против дополнительной военной силы, особенно после нападения в подземном святилище. Даже сейчас его живот пылал огнем, который был порожден неким чудом, дарующим исцеление. Тот же самый жар тек по давнему шраму, ветвящемуся через все плечо и верхнюю часть груди Стоуна: то был след от молнии, которая ударила его в его юные годы.

И сейчас к этому плечу привалилась головой Эрин. Джордан мягко сжимал ее руку в своей ладони. Не раз и не два за время этого полета она бросала на него встревоженный взгляд. Он не мог винить ее за это, ведь даже София и Баако были потрясены тем, что он едва не погиб.

Вертолет сильно потрянуло, и внимание Джордана вновь обратилось к окну, за которым проплывали огни Венеции. Христиан заложил вираж, наклонив воздушную машину ради лучшего обзора.

– Прямо под нами – площадь Святого Марка, – сообщил Христиан по связи – перед полетом все путешественники надели гарнитур с микрофонами. – Эта красно-белая башня – Кампанила, а здание, похожее на готический свадебный торт, – Дворец дождей. Рядом с ним – базилика Святого Марка. У ордена есть свои владения под этим святым зданием, как и под базиликой Святого Петра. Там мы заночуем после того, как расспросим графиню Батори об этом странном символе.

Эрин стиснула руку Джордана и перегнулась через его плечо, стараясь рассмотреть все то, о чем говорил Христиан.

– Венеция остается неизменной почти тысячу лет, – произнесла она. – Подумать только...

Стоун улыбнулся ее восторгу, однако его улыбка была слегка вымученной. Он по-прежнему чувствовал себя как-то отстраненно. И это выражалось не только в приглушенных эмо-

циях по отношению к женщине, которую он любил. Сегодня Джордан пропустил и обед, и ужин, но все еще не чувствовал голода.

И даже когда он заставлял себя поесть, еда была для него совершенно безвкусной. Он ел скорее из чувства долга, чем из подлинного желания насытиться.

Сержант потер пальцем шрам на животе.

Что-то определенно изменилось.

Это должно было тревожить его и даже пугать, но вместо этого он ощущал глубокое спокойствие, как будто все шло так, как и должно идти. Он не мог облечь это в слова, и потому по большей части избегал говорить об этом даже с Эрин, но в этом почему-то тоже не было ничего неправильного.

У него было чувство, что он становится сильнее и чище.

Пока Джордан размышлял над этой загадкой, Христиан повел вертолет прочь от площади Святого Марка и посадил на крыше роскошного отеля поблизости. Когда винты замедлили вращение, Стоун быстро проверил свое оружие: пистолет, пистолет-пулемет и кинжал. Потом оглянулся на остальных, ожидая, пока Христиан даст им сигнал, что можно выходить наружу.

Эрин выглядела бодро, но Джордан заметил тени у нее под глазами. Для обычной женщины гражданской профессии она слишком многое испытала за такое короткое время. У нее не было времени отдохнуть и прийти в себя по-настоящему, осознать все, что она узнала за прошедший год.

Христиан, сидящий в пилотском кресле, махнул рукой – мол, можно выходить. Но София задержала их, явно желая идти первой. Во время полета невысокая индианка сидела, полуприкрыв глаза, и от нее исходило ощущение покоя. Было ли это чувство порождением ее веры или неестественной способности сохранять неподвижность, Джордан не знал. Теперь же она открыла дверцу вертолета и прыгнула на посадочную площадку с удивительным изяществом.

Бернард последовал за ней, явив не меньшую ловкость. Когда кардинал оказался на открытом воздухе, порыв ветра взметнул полы его темного плаща, явив миру алое облачение, – знак сана. Хотя всю дорогу Бернард провел в молитвах, набожно сложив перед собой обтянутые перчатками руки, похоже, это не помогло ему обрести спокойствие.

Та, ради которой они предприняли это путешествие через всю страну, Элисабета Батори, скорее всего бросит им всем нелегкий вызов. Особенно кардиналу – между ним и этой женщиной лежала долгая и кровавая история. Они враждовали между собой не одно столетие.

Христиан, поднырнув под все еще медленно крутящиеся лопасти вертолета, подошел к дверце и предложил руку Эрин, чтобы помочь ей выйти из машины. Поднятый винтами ветер разметал светлые волосы Грейнджер, образовав вокруг ее головы призрачный нимб – как раз в тот момент, когда она оглянулась на Джордана. Ее янтарные глаза мерцали в звездном свете, щеки горели, а губы были чуть приоткрыты, словно в ожидании поцелуя.

На миг ее красота, словно стрела, пробилась сквозь горячий туман, наполнявший душу Джордана.

«Эрин, я люблю тебя».

Он мысленно поклялся, что это чувство не исчезнет никогда, – но втайне гадал, сможет ли сдержать этот обет.

20 часов 54 минуты

Элизабет, полностью одетая, лежала на жесткой кровати в своей монастырской келье и следила за игрой бликов – городские огни отражались от вод канала и бросали причудливые отсветы на потолок.

Ее мысли были за полмира отсюда, там, где находился сейчас Томми.

Графиня дотронулась до телефона, спрятанного в кармане ее юбки. Как только окажется на свободе, она придумает, как помочь мальчику. Ее дети были отняты у нее. Она не позволит, чтобы такое случилось с Томми. Никто не отнимет то, что принадлежит ей.

Элизабет повернула голову к окну, туда, где в маленьком отверстии под куском отбитой штукатурки она спрятала украденный ключ от лодки Берндта. Сейчас ей оставалось только ждать, пытаться дышать спокойно, заставлять сердце биться ровно. Она не могла позволить, чтобы немногочисленные сангвинистки, живущие здесь, в монастыре, наравне со смертными монахинями, ощутили ее тревогу и раскрыли ее план: ведь в эту самую ночь она намеревалась тайно покинуть эти стены.

Гостям было положено возвращаться в монастырь вплоть до полуночи, и как обычно, Эбигейл будет дежурить в приемной до тех пор, пока двери монастыря не запрут на ночь. После этого монахиня уйдет в свою келью в дальней части здания. Но Элизабет не могла рассчитывать на крепкий сон Эбигейл. Графиня помнила, как в бытность ее стригоем ночь всегда наполняла силами ее тело, требуя выйти под открытое небо и наслаждаться прикосновением лунного и звездного света к коже. Сангвинисты, должно быть, подвержены тем же соблазнам, пусть и пытаются усмирить их при помощи молитвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.